

Мундт Т.

ТИХИЙ АНГЕЛ
ЛЮБОВЬ И ПОЛИТИКА
ПРИ МАЛОМ ДВОРЕ
НЕРАЗГАДАННЫЙ МОНАРХ

РОССИЯ ДЕРЖАВНАЯ

Россия державная

Теодор Мундт

**Тихий ангел. Любовь и
политика. При малом дворе.
Неразгаданный монарх**

«Алгоритм»

до 1861 г.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гер)

Мундт Т.

Тихий ангел. Любовь и политика. При малом дворе. Неразгаданный монарх / Т. Мундт — «Алгоритм», до 1861 г. — (Россия державная)

ISBN 978-5-486-03194-6

Теодор Мундт (1808–1861) – немецкий писатель, критик, автор исследований по эстетике и теории литературы; муж писательницы Луизы Мюльбах. Получил образование в Берлинском университете. Позже был профессором истории литературы в Бреславле и Берлине. Участник литературного движения «Молодая Германия». Книга «Мадонна. Беседы со святой», написанная им в 1835 г. под влиянием идей сен-симонистов об «эмансипации плоти», подвергалась цензурным преследованиям. В конце 1830-х – начале 1840-х гг. Мундт капитулирует в своих воззрениях и примиряется с правительством. Главное место в его творчестве занимают исторические романы: «Томас Мюнцер» (1841); «Граф Мирабо» (1858); «Царь Павел» (1861) и многие другие. В данный том вошли несколько исторических романов Мундта. Все они посвящены жизни российского царского двора конца XVIII в.: бытовые, светские и любовные коллизии тесно переплетены с политическими интригами, а также с государственными реформами Павла I, неоднозначно воспринятыми чиновниками и российским обществом в целом, что трагически сказалось на судьбе «неразгаданного монарха».

УДК 821.112.2

ББК 84(4Гер)

ISBN 978-5-486-03194-6

© Мундт Т., до 1861 г.

© Алгоритм, до 1861 г.

Содержание

Тихий ангел	7
I	8
II	11
III	14
IV	20
V	23
VI	27
VII	29
VIII	33
IX	36
X	38
XI	41
XII	45
XIII	53
XIV	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Тихий ангел. Любовь и политика. При малом дворе. Неразгаданный монарх

© ООО ТД «Издательство Мир книги», 2009

© ООО «РИЦ Литература», 2009

* * *

Тихий ангел

Исторический роман из жизни великой княгини Натальи Алексеевны, супруги великого князя Павла Петровича, впоследствии императора Павла I

I

В 1774 году вода в Неве стояла настолько высоко, что приплывший с немецких берегов бриг «Саламандра» мог, не останавливаясь в Кронштадте, проследовать по заливу вплоть до столицы русской империи и кинуть якорь у нарядной набережной Невы.

Среди пассажиров, находившихся на борту этого брига, особенный интерес возбуждала немолодая аристократического вида дама, ехавшая из Штетина в Петербург с тремя очаровательными девицами. Это была осанистая, полная ландграфиня Гессен-Дармштадтская, которая, как гласила распространившаяся молва, везла своих красавиц-дочерей на смотрины в Петербург, потому что великая императрица Екатерина II решила женить своего сына, только что вступившего в двадцатилетний возраст великого князя Павла Петровича, на одной из немецких принцесс.

По той помпе и вниманию, с которыми на Английской набережной поджидали прибытия немецкого корабля, можно было убедиться, что этот слух не лишен основания. Немецких гостей ждали придворные экипажи, и, как только звон колокола известил о благополучном прибытии корабля, гофмаршал князь Барятинский быстрым шагом направился на «Саламандру».

Ландграфиня Гессен-Дармштадтская слыла на родине образцом изысканной тонкости придворного обращения. Теперь на приветствия князя Барятинского, от имени своей государыни поздравившего «с приездом» высоких гостей, она ответила с такой величественной надменностью, которая составляла необходимую часть придворного этикета мелких немецких дворов, где старались держаться еще более высокого тона, чем при дворах крупнейших европейских «потентатов». Зато три принцессы робко жались к матери и боязливо поглядывали на высокую, величественную фигуру князя Барятинского, который произвел на них чрезвычайное впечатление.

Исполнив первую часть высочайшего поручения, князь проводил высоких гостей с пристани к экипажам, в которых им предстояло отправиться в назначенный им для жительства Мраморный дворец.

Лошади с быстротой урагана помчали их по улицам Петербурга. Молодые принцессы даже взвизгнули от радости, потому что им никогда не приходилось ездить с той быстротой, которой отличались царские вороные. Но державная мамаша сейчас же поспешила величественным жестом унять это девичье веселье и заметила, что неприлично вслух удивляться всему в чужой стране. В Дармштадте лошади крупнее, а потому там и не знают такой быстрой езды.

Но по мере того, как они ехали, русская столица развевалась перед путешественницами в таком юном великолепии, что даже сдержанная ландграфиня не могла в конце концов удержаться от выражения удивления и восхищения пред этими дворцами и церквями.

– Да, пожалуй, наш Дармштадт несколько отстал от Петербурга! – сказала она не без досады, надменно откидываясь назад.

Принцесса Вильгельмина, самая младшая и красивая из трех сестер, задумчиво смотрела в открытое окно кареты. Изящное личико, окруженное белокурыми локонами, выражало затаенную, упорную мысль: точно она настойчиво работала над какой-то задачей. Эти мысли, видимо, волновали ее, и юная грудь бурно вздымалась в порывистом трепетанье.

Старшие сестры, Елизавета и Фредерика, казались гораздо веселее и непосредственнее. Тогда как у Вильгельмины не вырвалось ни одного замечания, они то и дело вскрикивали в радостном изумлении, что каждый раз вызывало строгое замечание матери.

– Мама права, – сказала старшая, черноглазая Елизавета. – Наш милый Дармштадт кажется совсем крошечным после этого чудовищно-громоздкого Петербурга. Но что касается внешнего вида, то я нахожу массу сходства. И у нас, в Дармштадте, улицы так же широки и

правильны, а разве мало у нас великолепных дворцов? Вот только ручеек Дарм никак нельзя сравнить с гордой красавицей Невой, да и...

В этот момент карета остановилась пред громадным, но мрачным зданием. Это был величественный дворец, построенный из гранита и темного мрамора, что придавало ему какой-то хмурый, отпугивающий вид.

Лакеи в расшитых золотом ливреях подскочили, чтобы открыть дверцу кареты, а князь Барятинский, следовавший за каретой ландграфини, поспешил с глубоким поклоном помочь гостям выйти из экипажа, объявляя в то же время, что их высочества изволили прибыть на место. Затем он торжественно ввел их во дворец и сдал на руки целому рою фрейлин и статс-дам, назначенных в распоряжение высоких гостей. Через несколько времени ландграфиня Гессен-Дармштадтская сидела с тремя дочерьми в большом старинном зале дворца. Все они успели переодеться и теперь сверкали ослепительными туалетами. Императрица послала сказать им, что она сегодня же будет у них, чтобы поздравить немецких гостей с благополучным прибытием в Петербург, и теперь они сидели в боязливом ожидании этого визита.

Как они узнали от приставленных к ним придворных дам, этот дворец принадлежал Орлову, но с тех пор, как всемогущий когда-то временщик потерял расположение императрицы, он не жил там больше, и дворец обыкновенно служил для помещения иностранных гостей.

Этот дворец поражал богатством и великолепием, но он имел неприятное свойство наводить жуть и мрачные мысли. Как-то серо, мрачно, безнадежно-грустно чувствовалось там. И это сейчас же почувствовали молоденькие принцессы, им казалось, будто величественный дворец живет какой-то своеобразной жизнью, жизнью прошлого, и отжившие тени все еще роятся в его темных уголках. О России рассказывали слишком много таинственного, страшного; то прошлое, которым дышали складки гардин и портьер, полотна старых портретов, гобелены стен, было мрачно, полно слез и крови, и невольно пугала мысль: а вдруг это прошлое оживет в страшных, истерзанных привидениях?

Да и пугало ожидание императрицы – о ней тоже ходили легенды, не лишённые красных пятен. Того гляди, она появится, как вампир из сказки, схватит своими цепкими руками одну из принцесс и похоронит в далекой, чуждой России. Вильгельмина, самая впечатлительная из сестер, уже чувствовала, что слезы подступают у нее к горлу, а Фредерика и Елизавета прятали свои побледневшие личики на груди матери, точно желая уйти от всех ужасов прошлого и будущего.

Нежная, хрупкая, тихая Вильгельмина была тверже всех сестер. Это было премилое создание, в котором уживались самые разнородные качества. Она была мягка, но там, где чувствовала задетым свое женское достоинство, была способна бороться с выдержкой и энергией мужчины. Она была очень добра, но была способна преподнести правду в самом неприкрашенном виде, как бы жестока ни казалась эта правда. Она была очень тиха, но ссорой и шумом ее не удавалось запугать, раз дело шло о доказательстве того, что ей самой казалось непреложной истиной. И теперь слезы сразу высохли на ее глазах, когда блеснувшая мысль заслонила девичьи страхи.

– Мне кажется, милая мама, – сказала она, и ее лицо выразило горькую иронию, – что мы играем здесь, в Петербурге, в высшей степени смешную роль. Мы – немецкие принцессы, а между тем нас притащили сюда, словно рабынь на рынок, чтобы иноземный принц, даже некрасивый и несимпатичный, мог надменно выбрать себе ту, которая более всего поразит его варварское воображение. Еще недавно на уроке истории я проходила, как в Греции отправляли молоденьких девушек на съедение Минотавру. Мне кажется, что наше положение тоже не лучше. Неужели не было бы приличнее, если бы великий князь приехал к нам, в Дармштадт, раз он хочет жениться? Неужели наше милое отечество так ничтожно и гадко, что с ним даже

не считаются? Мне кажется, что мы, как немки, должны быть более гордыми и не ездить с таким бесстыдством на бесцеремонный выбор русского рабовладельца!

Елизавета и Фредерика вскочили и с удивлением и отчаянием смотрели на младшую сестру, которая так дерзко и смело говорила с матерью.

Ландграфиня попыталась уничтожить «дерзкую девчонку» презрительным взглядом, но, когда это не помогло, сказала с надменным достоинством:

– Милая девочка, я вижу, что я мало занималась твоим воспитанием. Но это беда поправимая: такую невоспитанную девицу не берут в жены, так что я буду еще иметь возможность пополнить недостатки твоего воспитания по возвращении в Дармштадт.

– Ну, это еще как знать! – иронически ответила принцесса Вильгельмина. – Бедной жертвой могу оказаться и я так же, как сестры!

– Если это случится, то ты не будешь счастлива: ты недостаточно разумна, чтобы справиться с вопросами высшей политики. Ты не отдаешь себе отчета в положении вещей! То, что ты считаешь унижением, на самом деле является выдающейся честью. Мы, немцы, хороши решительно всем, но нам не хватает могущества. Власть мы получаем только через замужество с иностранным государем, и, если бы не было политических браков, то Дармштадт оказался бы совершенно беззащитным и нас давно проглотили бы. Об этом такое маленькое, глупое создание, как ты, конечно, не думает. Ты, например, в своей самоуверенности дошла до того, что назвала великого князя уродом. Милая Вильгельмина, русский великий князь не может быть уродом: его сан настолько велик, что способен окружить чело неземным сиянием. Красота – это для простых; у нас, принцев, – сан! Заметь это себе, Вильгельмина!

– Но здесь все так жутко, так мрачно! – не сдавалась юная принцесса. – С того момента, как мы вошли в этот зал, мне непрестанно кажется, что из какого-нибудь темного угла вдруг воспрянет тень Петра Третьего...

– Молчи, несчастная! – воскликнула ландграфиня с жестом отчаянья. – Легкомысленная, глупая девчонка! Молчи, не смей говорить больше ни слова, иначе ты вовлечешь всех нас в беду! Неужели ты не знаешь, – продолжала она, понизив голос до шепота, – что здесь, в Петербурге, никто не смеет даже заикнуться о покойном Петре Третьем? Мрачные пытки, ссылки, преследования грозят неосторожному, дерзнувшему потревожить прошлое... О, дети, вы забыли, что мы в России!

Последнее восклицание было настолько пронизано ужасом и жутью, что даже смелая Вильгельмина побледнела и замолчала.

II

Вдруг главные двери зала с визгом и скрипом распахнулись под давлением невидимой руки, струя воздуха пробежала по залу, и от неожиданности мать и дочь вскрикнули, словно ожидая, что теперь к ним ворвутся все кровавые тени прошлого.

Но это была сама Екатерина, явившаяся навестить своих гостей в сопровождении одной только графини Браницкой, ставшей в последнее время любимой статс-дамой государыни. Императрица упругой, почти юношеской походкой вошла в зал и обратилась к сидевшим там с ласковым приветом:

– Добрый вечер! Здравствуйте, дорогие!

Ландграфиня первая справилась со своим испугом. Она поспешно встала и приветствовала императрицу изящнейшим реверансом. Но дочери, казалось, совершенно потеряли голову. Сначала они бросились друг к другу и отвернулись от вошедших; но, сейчас же вспомнив наставления матери и требования этикета, они, еще более испуганные, поспешили исправить свою ошибку и кинулись на колена пред... графиней Браницкой!

Последняя очень тактично указала принцессам на их ошибку, и это вызвало у перепуганных целые потоки слез. Только тогда, когда Екатерина несколькими любезными и приветливыми фразами ободрила их и ласково приказала встать с колен, чтобы она могла разглядеть их «фрэнхен» – «мордочки», немецким гостям удалось окончательно справиться с собой.

Императрица Екатерина II приближалась в то время к сорока пяти годам, но это была все еще красивая женщина, производившая неотразимое впечатление пышностью расцвета и величьем осанки. Правда, она уже начинала чрезмерно полнеть, ее формы получали излишнюю пышность и прекрасные линии тела сплывались теперь в беспорядочные очертания. Но, несмотря на это, все ее движения были полны юношеской грации, а лицо дышало таким умом, такой веселостью, такой женственностью, что Екатерина чаровала с первого взгляда.

Впрочем, это очарование у многих пропадало сейчас же после первого взгляда, потому что при более внимательном рассмотрении выражение лица императрицы поражало странным контрастом двух противоположных элементов.

Нижняя часть лица имела что-то грубое, жестокое, чувственное; между верхней губой и носом рот окаймляла неприятная складка, придававшая лицу злобное, распушенное выражение. Эта складка была, между прочим, причиной того, что Екатерина забракела свой портрет работы знаменитого Лампи. Артист хотел дать живой образ русской царицы, хотел схватить все характерное в ее лице, изобразить это яркое смешение противоположностей. Но, когда Екатерина разгневалась за складку, «которой у нее не было, да и быть не могло», то Лампи пришлось писать императрицу по трафарету, сочетав все женственные достоинства. Екатерина опять-таки осталась недовольна: юная, невинная нимфа, смотревшая на нее с полотна Лампи, тоже отнюдь не была похожа на русскую самодержицу. Но что же было делать Лампи, если Екатерина не хотела обмана и не соглашалась с правдой?

Итак, нижняя половина лица императрицы производила, бесспорно, отталкивающее впечатление, и это сейчас же почувствовали чуткие принцессы. Когда же они, осмелев немного, подняли взоры выше и разглядели высокий царственный лоб Екатерины, ее чудные глаза, светившиеся умом, грациозной насмешливостью и страстью, они сразу забыли подбородок и рот и стали с обожанием любоваться этим объектом самых причудливых легенд: мало про кого так много говорилось в Европе, как про великую русскую государыню.

Екатерина сразу заметила смущение и испуг гостей. Она усадила ландграфиню и принцесс, села сама в кресло между ними, глазами приказала сестре и графине Браницкой, а затем завела легкий, веселый разговор, в который сумела втянуть всех присутствующих.

– Да, так хорошо говорится только с земляками! – заметила наконец она, ласково поглаживая руку ландграфини и последовательно приласкав взглядом всех принцесс; вдруг ее взор отразил радостное удивление и, всплеснув руками, она, обращаясь к старшей из сестер, воскликнула: – Боже мой, вот никогда бы не думала! Милая Елизавета, знаете ли вы, на кого вы похожи? На меня, дитя мое, на меня, когда я была моложе лет на двадцать, разумеется! Вот мы сейчас это проверим. Графинюшка, – обратилась она к Браницкой, – у тебя в медальоне должен быть мой портрет того времени, дай-ка сюда!

Браницкая поспешила снять с золотой шейной цепочки усеянный крупными бриллиантами медальон и подала его государыне. Теперь все обступили Екатерину, и, разумеется, не было недостатка в восторженных похвалах красоте портрета.

– Ну, разве я не права, дорогие мои? – спросила Екатерина. – И разве эта милочка не похожа на меня, как две капли воды?

Все, за исключением Вильгельмины, поспешили ответить, что сходство есть, и очень большое, но где же принцессе Елизавете до ее величества! В сравнении с лучезарной красотой русской государыни принцесса – просто дурнушка.

Вильгельмина досадливо повела плечом и даже не старалась скрыть насмешку, которая сверкнула на ее юном личике при этой сцене. У Елизаветы не было ни малейшего сходства с Екатериной, кроме того, она была не только не хуже, а гораздо красивее императрицы. Сестре, конечно, не хватало того величия, того блеска ума, которым сверкал взор портрета. Но, как женщина, она была несравненно красивее: ведь у Екатерины лицо даже не отличалось классической правильностью!

«И к чему нужно всегда так много лгать? – с брезгливостью думала принцесса, выдающейся чертой характера которой была глубокая правдивость. – Боже мой, боже мой, какую жалкую роль играем мы здесь!»

Что касается ландграфини, то она вся так и расцвела. Ей казалось, будто она угадала тайный смысл слов императрицы, и ландграфиня с торжеством смотрела на любимую дочь: для нее было вне всяких сомнений, что она будет избрана в невесты великому князю!

Императрица, казалось, чувствовала себя все лучше и лучше среди своих гостей. Она встала и принялась расхаживать по комнате, в дальнем углу которой на столах были разложены платья, белье и прочий багаж гостей. Заметив это, императрица с юношеской бодростью подошла к столам и принялась осматривать туалеты принцесс, обсуждая с ландграфиней достоинство материй и красоту покроя.

– Да, милочки мои, – сказала она, обращаясь к девушкам, – когда я приехала в Петербург, то была далеко не так богата, как вы. Ну, нет! У меня не было таких красивых туалетов, а что касается белья, то и говорить нечего. Да, я даже не могла менять рубашки так часто, как мне этого хотелось. Но я твердо видела пред собою определенную цель и, как видите, распоряжаюсь целыми областями легче, чем прежде рубашками. Не правда ли, это недурной способ взять реванш за прошлое?

Ландграфиня, к которой императрица смеясь обратилась с последним вопросом, вместо всякого ответа схватила руку Екатерины и с чувством поцеловала ее.

– Вы слишком добры, милая ландграфиня, – сказала императрица, с благоволением поглаживая гостью по толстым красным щекам. – Я очень рада, что познакомилась с вами, и надеюсь, что мы сойдемся в наших желаниях. В самом деле я очень, очень благодарна вам за то, что вы приехали! Но только вот что я никоим образом не могу допустить, чтобы все расходы по этому путешествию пали на вас одну. Раз вы приехали по моей просьбе, то уж мое дело заботиться о расходах, а потому позвольте мне, ландграфиня, вручить вам вот этот пусячок!

С этими словами Екатерина взяла из рук графини Браницкой набитый ассигнациями бумажник и, развернув его, подала испуганной ландграфине.

– Боже мой, такая щедрость! – пробормотала смущенная и обрадованная в то же время мамаша.

Младшая дочь резким движением подскочила к ней и шепнула, сверкнув глазами:

– Мама, вы не смеете принять эту подачку!

Императрица с удивлением посмотрела на смелую девушку. Хотя она и не слыхала ее слов, но поняла их смысл. Кровь прилила к щекам Екатерины, и грозный, молниеносный взгляд каскадом гневных искр обрушился на Вильгельмину, словно желая испепелить ее, смести с лица земли. Но принцесса с достоинством подняла голову и, не мигнув, выдержала взгляд государыни.

Лицо Екатерины вдруг смягчилось и просветлело.

– Дитя мое, – сказала она, взяв Вильгельмину за руку, – ты мне очень нравишься. Из твоих умных глазок светятся гордость, ум и благородство чувств. Ты, пожалуй, окажешься в состоянии дать мне нагоняй за то, что я осмелилась взять на себя эти расходы? Да, да, от тебя это может случиться! Ты, кажется, – порядочный дичок и способна бесстрашно выложить все, что у тебя на душе! Разве я не права, милочка? Ну, что же, выругай меня, если тебе этого так хочется, но уж мамашу свою оставь в покое!

Императрица милостиво погладила Вильгельмину по пышным белокурым волосам, но это прикосновение неприятно поразило и ту и другую. Им обоим показалось, будто что-то враждебное изошло из их существ, будто они никогда не будут в состоянии ужиться друг с другом. Это была какая-то физическая антипатия: ведь тела, как и души, могут любить и ненавидеть!

Но это ощущение не передалось всем остальным; наоборот, им показалось, что Вильгельмина окончательно вытеснила Елизавету из милости государыни и что теперь все шансы на стороне не старшей, а младшей сестры.

Каков же был испуг сестер и мамаша, когда Вильгельмина почтительно, но твердо заговорила:

– Осмелюсь ли я с неудовольствием взирать на признанное великодушие великой русской государыни? Но вместе с тем я не могу без неудовольствия видеть, что моя мать пользуется этим великодушием, когда в этом не представляется никакой надобности. Дармштадт гораздо беднее России – о, их нельзя сравнивать! – но до сих пор наше маленькое государство было в состоянии оплачивать все свои расходы. Для нас было большим удовольствием принять любезное приглашение нашей державной хозяйки, а теперь, когда нам оплачивают дорогу в два конца, выходит так, будто мы только исполнили чужое приказание. Я знаю, что мама взяла с собой достаточно денег, но если бы их даже не хватило, то папа...

Императрица, в самом начале отповеди Вильгельмины отдернувшая руку, перебила говорившую, с ледяной любезностью обратившись к гостям:

– До свиданья, друзья мои! Завтра я приму вас в торжественной аудиенции и буду иметь честь представить вам там великого князя Павла. Утром гоф-фурьер доставит вам официальное приглашение и церемониал приема. Но я хотела попросту сойтись с землячками, а потому поспешила забежать к вам без чинов и церемоний. До свидания!

Императрица послала воздушный поцелуй в сторону ландграфини, улыбнулась Елизавете и Фредерике, бросила на Вильгельмину холодный, надменный взгляд и вышла в сопровождении графини Браницкой.

Ландграфиня была так огорошена, так подавлена всем случившимся, что не чувствовала себя в состоянии дать «дерзкой девчонке» заслуженный нагоняй. Она растерянно теребила бумажник, который так и не решилась отдать императрице обратно. Внутренне она сознавала, что Вильгельмина не совсем неправа, но все-таки... Ах, господи, надо же было так случиться...

В этот вечер мрачное настроение так и не покинуло членов гессен-дармштадтской семьи...

III

В том флигеле Зимнего дворца, где помещался юный великий князь Павел Петрович со своим воспитателем, графом Паниным, с утра царило большое оживление. Еще вчера вечером императрица сообщила ему о назначенном на сегодня торжестве, о котором говорил уже весь Петербург, и великий князь против своего обыкновения очень рано встал с постели, чтобы подготовиться к торжественной аудиенции и смотринам.

Когда Павла Петровича терзал гнев, он способен был внушить отвращение. Но мало людей устояло бы пред подкупающей прелестью его грустного взгляда, когда великий князь погружался в скорбную, меланхолическую задумчивость. Только мало кто видел его наедине с самим собой, а на людях самолюбивому великому князю вечно приходилось болезненно чувствовать свое положение нелюбимого сына, и это заставляло его настораживаться, быть не самим собой.

Сегодня какое-то радостное ожидание вызвало розоватую окраску на его желтоватые щеки, и он казался моложе и привлекательнее, чем всегда. Его камердинер, Иван Павлович Кутайсов, с нескрываемым изумлением выслушивал приказания цесаревича, касавшиеся той или другой принадлежности туалета: ведь обыкновенно наследник выражал упорное равнодушие к костюму, а теперь он задумывался над гармонией отдельных частей туалета, спрашивал, согласуется ли вот эта окраска с цветом его лица, не ярок ли подбор драгоценных камней в этой пряжке.

– Я все-таки боюсь, Иван, – сказал он, – что эти драгоценности придадут мне чересчур фатоватый вид! Что ты скажешь?

Кутайсов сверкнул хитрыми черными глазами, с комическим ужасом развел руками, сложил последние на груди, подскочил довольно высоко и опустился на пол, почти касаясь лбом земли. Затем он произнес нараспев:

– Солнце красоты и весна юности излили щедроты даров своих на нашего господина, и его великолепие ослепит ту, которая дерзнет слишком близко подойти, дабы вдохнуть в себя аромат прелести его высочества!

– Да ну тебя совсем! – с брезгливой досадливостью крикнул великий князь. – Ты ведь знаешь, что я терпеть не могу этих восточных замашек! Что за манера вечно вилять хвостом по-собачьи? Я тебе тысячу раз говорил, что ты должен перестать быть турком, должен доказать, что не напрасно на тебя тратили при крещении освященную воду. А если ты будешь продолжать обращаться со мной, словно с пашой, так я тебя прогоню с глаз долой. Запомни себе это!

Кутайсов вытянулся и встал в почтительной придворной позе. Что-то скорбное на мгновение дрогнуло в его лице, а затем сменилось облаком изящной мечтательности. Но только на мгновение. Мечтательность сменилась злобой; злоба – светлой, преданной улыбкой. И вся эта смена чувств пронеслась на его интересном лице с какой-то фантастической быстротой.

– Ваше высочество, – грустно ответил он, – с того момента, когда турецкий мальчик попал в руки русских солдат и прихотливый случай дал ему великую честь служить русскому цесаревичу, он полюбил своего господина так, как не полюбит больше никого и никогда. Так что же мне делать? Ваше высочество довольны предстоящим, радуетесь будущему, видите в нем залог счастья. Я же не жду ничего хорошего от этого сватовства. Но смею ли я смущать радость возлюбленного господина? Так и льется с уст уклончивый ответ, который вашему высочеству кажется собачьей ужимкой. Что же мне делать, если я не могу делить радость вашего высочества!

– Что же тебя тревожит? Ты боишься за себя? Но я не расстанусь с тобой и после свадьбы, Иван!

– Не о себе беспокоюсь я, ваше высочество, но, любя вас, я не могу забыть о тех, кто любил и любит моего господина. И, видя радость вашего высочества, я не могу забыть о тех слезах, которые льет теперь Чарновская...

– Как ты смеешь лезть ко мне с нею как раз в этот момент! – крикнул Павел, стукнув кулаком по туалетному столу и покраснев от гнева.

– Я глубоко провинился пред вашим высочеством, – ответил Кутайсов, покорно склоняясь пред наследником, – но нельзя противиться прекрасным глазкам Чарновской, когда она просит о чем-нибудь. Она хочет во что бы то ни стало еще раз взглянуть на возлюбленного пред тем, как ей придется навсегда расстаться с ним. И вот я взял на себя смелость довести до слуха вашего высочества эту просьбу, даже если это будет стоить мне здоровой потасовки!

Подвижное лицо Кутайсова изобразило комический ужас от ожидаемой экзекуции, и Павел не мог удержаться, чтобы не расхохотаться.

– Ты и в самом деле подвергаешь себя большой опасности, Иван, если не с моей стороны, то со стороны императрицы. Ты ведь знаешь, что ее величество строго запретила даже произносить в моем присутствии имя Софьи, не то что видеться с нею. Против моей державной матушки не пойдешь: у нее ведь всегда на первом плане государственная необходимость, ну, а мое сердце... О таких пустяках, конечно, не думают.

Кутайсов снова подскочил несколько раз и сказал:

– Что и говорить, послушание приказания ее величества – проступок тяжелый и опасный, но, когда любишь своего господина так, как я, и когда примешь заранее все меры, то... А меры я все принял, ваше высочество!

Павел испуганно вздрогнул и на мгновение задумался. Он и жаждал этого свидания, и боялся его. Кутайсов с хитрой улыбкой наблюдал эту игру чувств, отражавшуюся на лице Павла.

– Иван, – сказал наконец Павел, – неужели она здесь, совсем близко?

Кутайсов таинственно кивнул и указал рукой на ковровую дверь, находившуюся в глубине комнаты.

Павел вскочил и хотел броситься туда, но в это время в комнату вошел лакей и доложил, что граф Панин желает видеть его высочество. Через минуту граф уже входил в комнату и с ласковым достоинством приветствовал своего царственного питомца; но лицо графа приняло укоризненное выражение, как только он заметил, что с туалетом великого князя дело не очень-то подвинулось. Он достал свои осыпанные бриллиантами часы, справился с показанием стрелок и затем медленным взором оглядел наследника с ног до головы.

Граф Панин был одним из наиболее достойных и уважаемых кавалеров русского двора, и почетное назначение воспитателем великого князя свидетельствовало, с каким доверием относилась к нему императрица. К тому же он неоднократно доказал как высшее бескорыстие, так и государственные способности, почему Екатерина назначила его кабинет-министром и с особенным удовольствием советовалась с ним в важных вопросах. Женившись на великом князе, она клала конец обязанностям Панина как воспитателя, но, отличаясь анекдотической точностью и пунктуальностью, граф считал, что его гувернерство кончится только после брака, а до этого момента он все еще ответствен за действия питомца. Поэтому-то он и считал своим долгом проверить, готов ли великий князь к приему иностранных гостей.

– Ваше высочество, – сказал он, – ровно через двадцать минут я вернусь сюда, чтобы сопровождать вас в парадный зал ее величества. Через тридцать минут мы уже должны стоять на ступенях трона, а пять минут понадобятся нам на прохождение разделяющих нас покоев. Я надеюсь, что ваше высочество примете это во внимание и будете готовы к назначенному сроку.

Великий князь ворчливо обещал постараться не опоздать.

– Вот еще что, ваше высочество, – сказал Панин, – я должен сказать вам кое-что по секрету. Выслушайте меня внимательно, но тем временем продолжайте заниматься своим туале-

том, а то мы не поспеем к назначенному часу. Пусть Иван делает свое дело – он может слушать то, что я скажу, потому что этот хитрый парень все равно знает все, что здесь делается.

Великий князь вновь отдался искусным рукам верного Ивана, который торопливо принялся приводить в порядок его туалет.

Граф Панин еще несколько раз торжественно прошелся взад и вперед по комнате и потом, остановившись пред стулом Павла, заговорил:

– Я должен сделать вашему высочеству сообщение, касающееся девицы Софьи Чарновской. Ее величество всемилостивейше озаботилась дальнейшей судьбой этой особы; впрочем, она вполне заслужила такое внимание той услугой, которую она оказала государству.

Панин остановился, как бы взвешивая дальнейшие слова; Павел с удивлением взглянул на него, нетерпеливо дожидаясь объяснения столь странного вступления.

– Согласно приказанию ее величества фрейлина София Чарновская покидает завтра Россию, чтобы отправиться во Францию с избранным государыней супругом. Честь вести к алтарю девицу Чарновскую выпала на долю графу Ростопчину. Довольны ли вы, ваше высочество, этим?

– А почему мне быть довольным или недовольным? – с каким-то испугом ответил Павел. – Какие права могут быть у меня на Софию Чарновскую, раз мать озаботилась и моим, и ее браком? Хотя нас и связывали самые тесные, самые нежные узы, но нам приходится расстаться без последнего «прости». Что же делать, такова воля ее величества...

– Да, – важно и серьезно сказал Панин, – ее величество не желает никаких прощальных свиданий между вами. Императрица строго приказала следить за тем, чтобы это приказание было в точности соблюдено. Надеюсь, что здесь не было предпринято что-либо в этом направлении?

Граф строго и внимательно посмотрел на Павла и камердинера, но лица обоих оставались совершенно невозмутимыми.

– Ваше величество, – ласково продолжал Панин, – вы должны отныне всецело посвятить свои мысли новому восходящему солнцу. Одна из тех немецких принцесс, которые приглашены на сегодняшней прием к ее величеству, должна стать отныне вершительницей вашей судьбы. Ей и только ей должны принадлежать теперь все ваши мысли. Когда ее величество год тому назад решила, что вашему высочеству пора сочетаться браком, то ее царственная заботливость и предусмотрительность пошли гораздо дальше, чем это обыкновенно принято. Нашлись люди, которые принялись нашептывать государыне императрице, будто не имеет ни малейшего смысла заботиться о совершении этого важного обряда, так как физическая слабость и некоторые недостатки все равно не позволят вашему высочеству стать отцом, а между тем только это и оправдывает в государственном отношении бракосочетание наследника. И вот тогда было решено подвергнуть испытанию темперамент и супружеские способности вашего высочества. Припомните, ведь не личная склонность бросила вас в объятия фрейлины ее величества. Только высокая мудрость императрицы направила внимание ваших чувств на пламенную польку. Да, да, ваше высочество, во избежание всяких недоразумений, скажу вам прямо, что связь с Чарновской была просто пробным камнем, посредством которого ее величество хотела решить, не подвергнется ли молодая жена наследника русского престола той участи, которой чуть-чуть не подверглась когда-то сама ее величество. Словом, было решено проверить, поскольку ваше высочество способны быть мужчиной. Чарновская вполне оправдала доверие ее величества с достойной восхищения пунктуальностью, а это создало блестящее доказательство лживости утверждениям клеветников. Вот тогда-то и был окончательно решен вопрос о браке вашего высочества!

В то время как Панин говорил все это, Кутайсов закончил туалет великого князя.

Павел встал, подошел к Панину и взволнованно посмотрел в честное, серьезное лицо своего воспитателя.

– Ты кончил? – спросил Панин камердинера. – Тогда уходи вон!

Иван повиновался не без явного неудовольствия. Как только дверь закрылась за ним, выражение лица Панина сразу изменилось.

– Ваше высочество, – сказал он с заискивающей ласковостью, которую трудно было предположить в нем, – мне очень хотелось сказать вам одно словечко, но меня связывало присутствие этого отвратительного субъекта. Поверьте, что я многое сказал бы совершенно иначе, если бы не имел оснований предполагать, что этот Кутайсов – просто шпион императрицы. Очень хорошо пускать таких людей по ложным следам...

Павел с испуганным изумлением посмотрел на Панина и воскликнул:

– Что вы говорите, граф? Кутайсов – шпион?

– Оставим это, – ответил Панин, – не будем останавливаться на точных определениях. Здесь, в Петербурге, где царит единственная самодержавная воля, не знающая границ и пределов, каждый может оказаться шпионом...

У великого князя вырвался легкий крик. Панин продолжал:

– Я предвижу, что сегодняшний день будет чреват последствиями. Вашему высочеству предстоит вступить в новую эпоху своей жизни. Выбрав себе невесту и вступив в брак, ваше высочество становитесь совершеннолетним, получите собственный придворный штат. Вам предстоит стать влиятельной политической личностью, которая – я надеюсь на это! – будет проводить в жизнь свою собственную политическую систему. До сих пор я гордился, что мог называть ваше высочество своим воспитанником и учеником, а теперь я молю Небо, чтобы мне дано было дожить до новой эры, той, которая в моих мыслях неразрывно связана с личностью вашего высочества. И – простите, ваше высочество! – я прошу в то же время, чтобы эта эра наступила поскорее. Поверьте старому, поседевшему в трудах государственному человеку: жизнь быстрее изменяется в формах, чем государственная система. Поэтому даже самая лучшая политическая система способна устареть, раз она применяется слишком долго. Развитие всей жизни государства способствует духу времени. Я могу смело и открыто сказать, что мы отстали теперь. Значит, вся надежда России на ваше высочество!

Павел продолжал мрачно и задумчиво ходить по комнате взад и вперед в такт речи Панина. Тот подошел к нему и продолжал еле слышно шептать на ухо:

– Великий князь, отечество с доверием и надеждой взирает на вас! Ведь престол по праву принадлежит вам с самого момента таинственной кончины вашего державного батюшки. В данный момент он занят слишком близким вашему высочеству человеком, чтобы говорить о правах. Но вообще ваше право не потеряно, а только отсрочено вступление его в силу...

– Бога ради, граф! – почти с отчаянием воскликнул Павел. – Не будем говорить об этих вещах! Я не могу говорить об этом!

Великий князь был бледен и казался взволнованным до глубины души. Он то смотрел с тревогой и ужасом на графа Панина, как бы умоляя его не продолжать, то поглядывал с беспокойством на ковровую дверь, за которой должна была находиться свидетельница всего этого опасного разговора.

– Не бойтесь ничего! – твердо сказал ему граф. – Имейте доверие ко мне, в России найдется немало людей, которые готовы будут пожертвовать своей жизнью за счастье вашего высочества. Мною вы можете располагать, как самым верным и преданным слугой вашим. Сколько уж лет я только и думаю о том моменте, когда можно будет образовать партию великого князя Павла. Эта партия теперь уже имеется налицо, у нее существует своя программа, она только ждет того решительного момента, когда вашему высочеству будет угодно вступить в командование ею!

Теперь Павел уж не ходил, а бегал от волнения по комнате. Время от времени его глаза сыпали целые потоки молний на графа, который стоял пред ним в почтительной позе. Наконец он ответил:

– Лучше не будем говорить, милый граф, ничего такого, что могло бы очень не понравиться моей августейшей матери и государыне. Ее величество изволит благополучно здравствовать, и я, как почтительный сын и первый подданный государства, могу только молить Бога о продлении ее дней. Поверьте, граф, я хочу только одного: быть в состоянии всегда оставаться покорным сыном... Не пора ли нам отправиться в покои императрицы? Ваше сиятельство говорили прежде, что в моем распоряжении всего каких-нибудь полчаса, и, по-моему, этот срок давно истек!

Панин хитро улыбнулся и поклонился наследнику самым почтительнейшим на свете поклоном.

– Я понимаю, ваше высочество! Вы знаете меня, старика, только как строгого воспитателя, но еще придет время узнать меня как следует со всех сторон! Вы совершенно правы: переход был слишком неожидан и резок. Но я уже имел честь объяснить вашему высочеству, чем был вызван мой предыдущий тон... Оставим это и займемся более радостным разговором... ну, хотя бы о госпоже Чарновской!

– О Чарновской? – удивленно переспросил Павел. – Но... почему?

– Да, да, о госпоже Чарновской, – весело повторил Панин. – Только не гневайтесь на старика, ваше высочество; как истинный педант, я должен сначала взглянуть на часы.

– При чем здесь часы? – почти в бешенстве крикнул Павел.

– Ваше высочество изволили заметить, что, по всей вероятности, у нас нет времени медлить долее и что срок явиться к ее величеству давно истек. Но, представьте, ваше высочество, какое дело: оказывается, я совершенно непонятным образом ошибся, и в нашем распоряжении имеется еще добрых полчаса, которые вы можете употребить по своему желанию. Вот увидите, что я не из тех, кто вкладывает палки в колеса! – и, сказав это, хитрый царедворец указал рукой на ковровую дверь, из чего можно было видеть, что граф с самого начала был посвящен в тайну ожидаемого свидания.

Но он с улыбкой сообщника подмигнул великому князю и сделал жест, который говорил, что его высочеству предоставляется полная свобода действий.

– Но, значит, вы... знаете...

– Сначала я намеревался не допустить этого свидания. В силу своих обязанностей я должен быть всегда в курсе всего, что здесь происходит. Поэтому я не мог не знать, с какой стати эта пройдоха Кутайсов, готовый в любой момент на любую интригу, запрятал сюда красавицу-польку. Но потом я решил убедить вас, ваше высочество, насколько серьезно я готов предоставить себя в ваше полное распоряжение. Партия великого князя Павла находит во мне такого ревностного приверженца, что как в великом, так и в малом я готов поставить все на карту, чтобы служить своему царственному господину!

Сказав это, Панин с грацией прирожденного аристократа подошел к ковровой двери и открыл ее, нажав на секретную пружинку, тайна которой ему была отлично известна.

Из потайной двери показалась грациозная женская фигурка, сверкавшая ослепительной красотой. Панин отступил назад, подошел к великому князю и шепнул ему на ухо:

– Теперь, ваше высочество, вы можете воспользоваться остающимся временем, чтобы обо всем переговорить с госпожой Чарновской. Но осмелюсь обратить ваше внимание на одно обстоятельство. Вы только что изволили сказать, что желаете одного, а именно быть всегда покорным сыном. Оставляю вас в надежде, что вы и во время свидания с Чарновской не измените этой покорности, потому что вы должны понять, чем руководствовалась ее величество, запрещая вам видеться. Прошлое кончено, ваше высочество, кончено навсегда; не пытайтесь переживать его вновь!

Сказав это, Панин изысканно поклонился наследнику и скрылся в дверях. В тот же момент Софья с радостным восклицанием бросилась к великому князю, упала на землю около его ног и страстно обхватила его колена.

– Встань, Соня, пожалуйста, встань! Ну, какая ты!.. Да полно, Соня! – смущенно пробормотал Павел, стараясь поднять польку.

Но она во что бы то ни стало хотела оставаться в прежней униженной позе. Первый момент высшей радости сейчас же сменился приступом горя, и слезы бурными потоками текли из ее прекрасных глазок.

– Нас разлучают, Павел! – рыдая вскрикнула она, полуприподнимаясь и страстно обвивая его шею белыми, выхоленными руками. – Какая непонятная жестокость! Сначала нас умышленно толкали друг к другу, а потом ни с того ни с сего отрывают. Ведь мне никогда в жизни больше не придется видеть ваше высочество! Завтра я должна буду выйти замуж за старого уroda, с которым уеду во Францию. Что же будет с нашим мальчиком, с нашим славным, дорогим Симеоном Великим¹, как нам его называли?

Великому князю удалось наконец поднять ее с колен и довести до дивана, где он долго держал ее в своих объятиях, не говоря ни слова.

Но в его молчании было больше скорби, больше отчаяния, чем во всех рыданиях и патетических выкриках Чарновской.

Вдруг она высвободилась из его объятий, долгим, любящим взглядом посмотрела ему в глаза и, положив руки на плечи, сказала, с мгновенным переходом к почти веселому спокойствию:

– А в конце концов все-таки надо примириться с нашей участью! Я рада, что мне дали возможность хоть увидеть тебя еще разок, мой ненаглядный Павел. Что оставалось мне делать долее при дворе? То, что от меня требовалось в интересах русской короны, я сделала. Теперь моя песенка спета, в Петербург прибыл целый корабль, доверху нагруженный немецкими принцессами, ты должен жениться, и за это взялись очень ретиво. Софья Чарновская стала лишней... Ну, что же, постараюсь получше устроиться в Париже. Там весело живет, а я уж сумею сойтись с обществом. Мой генерал очень стар, а это тоже немалое достоинство: особенно мешать мне не будет... Если бы только я могла знать, что станет с нашим сыночком!

– Когда-нибудь он станет отменным солдатом, об этом позабочусь уж я! – сказал Павел, торжественно протягивая руку Софьи. – Я о нем не позабуду, можешь быть спокойной. Пусть послужит русскому оружию!..² Но как мне будет тяжело без тебя, Софья! Только подумать: мы ни разу не поссорились с тобой. Да что «поссорились» – у нас не было ни одной грустной минутки! Ты такая забавная, такая веселая, ты так умела разогнать мои грустные думы и примирить меня с тяжестью моего положения. Будь счастлива, Софья, а я тебя никогда не забуду!

И опять лицо изменчивой, как погода, польки сразу омрачилось, она снова бурно зарыдала, обвивая шею великого князя и цепляясь за него, словно решив не отдавать его никому и никогда...

В этот момент в дверь громко постучали, и в комнату вновь вошел граф Панин.

– Вы уже готовы, ваше высочество, и, наверное, заждались меня? – сказал он, делая вид, будто не замечает плачущей женщины.

Лицо Павла исказилось угрюмой, зловещей судорогой. Он что-то нежно шепнул Чарновской, и Софья покорно встала и вышла через потайную дверь.

Вскоре комната наполнилась чинами свиты, которые выстроились в подобающем порядке. Великий князь торжественно направился в покои императрицы.

¹ Об этом см. у Кастера, т. II, с. 92.

² Симеон Великий служил в чине флотского капитана под начальством контр-адмирала Тревенена в шведскую войну, в которой блестяще отличился.

IV

Императрица была уже готова и собиралась выйти из кабинета, когда ее первая камерфрау Протасова, бледная и встревоженная, вбежала к ней и не своим голосом зашептала:

– Ваше величество! Он опять тут!

– Кто «он»? – спокойно спросила Екатерина, улыбаясь испугу своей любимицы.

– Граф Григорий внезапно прибыл во дворец, ваше величество! Он находится в приемной и умоляет ваше величество дать ему на самое короткое время милостивую аудиенцию по важному делу!

Протасова была немало удивлена тому спокойствию, с которым императрица выслушала неожиданное известие о прибытии Орлова. Но ведь ему было строжайше запрещено являться ко двору без зова! И ее величество, обыкновенно столь непреклонная, столь нетерпимая в вопросах повиновения, выслушивает эту весть с равнодушной улыбкой?

Граф Григорий Орлов, один из вдохновителей и активнейших участников переворота 1763 года, был в течение двенадцати лет самым близким человеком императрицы, которая вознесла его на вершины власти. В первые годы царствования Екатерина видела во всей стране такую разруху, такой упадок, ее собственное положение было настолько не упрочено, что ей волей-неволей приходилось мириться с необузданностью характера этого опасного временщика, способного в припадке гнева забываться до того, чтобы топтать и кричать на самую императрицу. Но, когда она почувствовала под ногами более твердую почву, когда Орлов перестал быть ей необходимым, Екатерина сразу покончила с ним.

Протасова живо помнила, как шумел и бесновался Орлов, не желая примириться с постигшей его участью; как он грозил разоблачениями; как пряталась императрица, опасаясь, чтобы Григорий не ворвался во дворец и не убил ее. А теперь она только улыбалась! Господи, да не ослышалась ли она, Протасова? Ведь ее величество спокойно приказала:

– Ну что же, попроси войти графа Орлова!

Протасова подавила возглас удивления и поспешила в приемную.

Орлов предстал пред императрицей во всем былом блеске. Это был прежний Григорий, колосс, красавец лицом и сложением. Так же пламенно смотрели его глаза на государыню, и Екатерина внезапно задалась мысленно вопросом, как же могла она так долго обходиться без него?

Екатерина забыла, что Орлов уже отставлен от всех ее милостей. Она улыбнулась ему той очаровательной, полной значения и интимных намеков улыбкой, которую он так хорошо знал, и протянула ему руку. Не помня себя от восторга, Орлов бросился на колена, покрыл обе руки Екатерины поцелуями до самого локтя и прижал к своему сердцу.

Дрожь передернула все тело Екатерины от этих пламенных ласк, которые напоминали ей очень-очень многое!..

– Мы думали, что вы обретаетесь в Ревеле, – сказала она ему, – и уж не чаяли видеть вас; и вдруг вы решили обрадовать нас своим посещением. Вы попадаете к нам в очень важную минуту, так как через несколько минут должна состояться церемония приема иностранных гостей, присутствовать на коей мы приглашаем и вас. Сегодня великий князь Павел должен выбрать себе невесту! Но вы так и не сказали нам, почему до сих пор не делали ни малейшей попытки проведать нас в Петербурге?

Орлов впился в лицо императрицы хмурым, злобным взглядом и ответил, отчеканивая каждую букву:

– Ваше величество, для моего здоровья очень вредно дышать одним воздухом с Васильчиковым, а теперь, когда я узнал, что этот господин выехал из Петербурга...

Екатерина со спокойной улыбкой посмотрела на Орлова и спросила с наивной простотой:

– Ну да, милый мой, Васильчиков уехал, но что это доказывает?

Этот вопрос так поразил Орлова своей непосредственностью, что он смущенно улыбнулся и только развел руками в ответ.

– Ну да, – продолжала императрица, – какое, в сущности, отношение может иметь Васильчиков к вам? У него свои достоинства, у вас – свои. Васильчиков очень мил, очень забавен, вы очень пламенны, отличаетесь преизбытком сил и энергии. В моих глазах вы оба могли бы только дополнить друг друга. Кроме того, мне кажется, вы слишком горды, чтобы приехать исключительно потому, что только что уехал Васильчиков. Наверное, что-нибудь другое привело тебя сюда, Григорий?

– Ты права, царица! – патетически воскликнул Орлов. – Я поспешил в Петербург, чтобы предупредить о страшной опасности, в которой обретаетесь вы, ваше величество!

– Опасность? В чем дело, Григорий? Ты пугаешь меня!

– Ваше величество, опасность начнется с момента брака его высочества. Хотя я и покинул двор вашего величества, но у меня осталось достаточно приятелей, которые по моей просьбе следят за тем, что мне дороже всего: за безопасностью вашего величества. И вот что мне удалось только что узнать. В кружках, настроенных враждебно к великой русской императрице, известие о близком браке наследника принято с нескрываемым торжеством. Женитьба наследника связана с предоставлением его высочеству большей самостоятельности. Последняя будет использована для образования партии великого князя Павла, во главе которой становится хитрая лисица Панин!

Екатерина еле заметно улыбнулась. Она больше Орлова знала действительную роль Панина в деле образования оппозиционной партии; знала также, что Васильчиков, заменявший Орлова в ее милости, был фаворитом Панина, что назначение Орлова главным уполномоченным на мирных переговорах в Фокшанах, послужившее ловушкой для его удаления, было тоже придумано Паниным. И, сопоставляя последнее с характером Орлова, готового из мести в любой момент поступиться истиной, она нисколько не поколебалась в доверии к воспитателю наследника.

Но Орлов снова будил в ней заснувшую страсть, снова мощно влек ее к себе, и Екатерина хотела сделать вид, будто разделяет его опасения, будто ее трогает его заботливость, его преданность.

– Как мне благодарить тебя, верный друг! – ласково сказала императрица. – Я сама очень беспокоюсь за те осложнения, которых всегда можно ждать в России. Но разве имеются какие-нибудь явные доказательства существования враждебной мне партии? Я знаю, что Павел будирует против меня, но таковы обыкновенно все наследники: им кажется, что они лучше и легче справятся с государственными делами, чем ныне царствующий государь, сгорают жаждой поскорее доказать на деле свои способности, а потому и любят окружать себя роем недовольных. Но что же делать? Неужели из-за этого пренебречь интересами страны и не обеспечить ей правильного престолонаследия? Я могу утешаться одним: как Павел будирует против меня, так его сын станет когда-нибудь будировать против него самого...

– Государыня! – воскликнул Орлов. – Но если это будирование не ограничится одними словами, а перейдет к делу?

– Милый мой, помнишь ли ты, что сказал выдающийся врач Роджерсон, которого я послала к твоему заболевшему брату: «Я сейчас не могу определить ни самую болезнь, ни степень ее опасности. Поэтому пока роль врача должна ограничиться одним надзором. Но мы будем наготове, и, как только болезнь скажется в явных формах, тогда мы и придадим ее!» Я могу ответить тебе этими же словами: для того, чтобы справиться со своей государственной болезнью, мы должны предоставить ей пока свободное течение, но не выпускать из вида необходимости в решительный момент прибегнуть к верному средству. Иначе можно ошибиться, Григорий! Но для того, чтобы я могла в решительный момент справиться с этим злом, мне

прежде всего нужны люди. Оставайся около меня, Григорий, прикрой свою царицу, стань ей по-прежнему надежным оплотом. И тогда мне не страшны никто и ничто!

Говоря это, она наклонилась всем корпусом к коленопреклоненному Орлову так, что на мгновение оказалась почти в его объятиях. Затем, поцеловав Орлова в лоб, она скрылась в соседней комнате. Орлов вскочил и чуть не закричал молодецким гиком от торжества победы.

V

Императрица воссела на троне, по бокам которого ослепительной вереницей встали первые сановники государства и представители иноземных держав. Юный великий князь стоял вместе с графом Паниным справа, совсем близко от императрицы, но до сих пор еще она не удостоила его ни единым взглядом. Вообще в начале церемонии в зале царило очень подавленное настроение, вызванное главным образом появлением Орлова и теми резкими словами, которые вслух сказал на его счет Павел, о чем, разумеется, немедленно было сообщено императрице еще до ее выхода.

Слова великого князя вызвали довольную усмешку на лицах угодливых придворных, которые думали, что песенка бывшего фаворита спета. Когда же императрица, сев на трон, кинула Орлову несколько обворожительнейших улыбок, все перепугались за неосторожную усмешку: Орлов был не из тех, которые чего-нибудь не видят или что-нибудь прощают! И все спешили заискивающе и подобострастно взглянуть на того, кого они так легкомысленно похоронили.

– Так и кажется, что они хвостиками замашут и на лапки встанут, – досадливо шепнул Павлу Панин, единственный из всех присутствующих, кто не изменил презрительного отношения к Орлову.

Но Павел уже не обращал на Орлова никакого внимания: он был весь захвачен видом трех принцесс, только что введенных в зал Барятинским, во главе со своей матерью.

Императрица довольно долго говорила с последней, и Павел мог без всякой помехи наблюдать за дочками, смущенно жавшимися к ландграфине.

Ближе всего к нему стояла старшая принцесса, Елизавета. Павел был прямо-таки поражен этой пышной, строгой красотой, и черноглазая принцесса вся покраснелась от его взгляда, знаменательно говорившего о произведенном ею впечатлении. Она была честолюбива, а потому мысль восторжествовать над сестрами приводила ее в бурный восторг, о котором явно говорили блеск ее глаз и взволнованное дыхание.

«Эта! И никто другой!» – сказал себе Павел, переводя затем взгляд на вторую сестру, Фредерику.

Но принцесса Фредерика показалась ему такой незначительной, такой будничной после красавицы Елизаветы, что он не стал приглядываться к ней, а перевел взор на младшую, Вильгельмину.

Что-то болезненно защемило его сердце от взгляда на эту высокую, стройную блондинку с живыми карими глазами. Он невольно перевел на мгновение взор на Елизавету и снова посмотрел на Вильгельмину. Та была как пышное лето, знойное, беспокойное, волнуемое жар в крови, а эта – словно тихий ангел, слетевший с неба и немного насмешливо поглядывавший на всю беспокойную, ненужную суету и пышность... Она должна быть задорна, бойка, весела. Но это было в ней только радостью бытия, только восторгом полуоперившегося птенчика: взгляд больших глаз говорил о тихой преданности, о душевной глубине, о способности к великому подвижничеству сердца...

Пока великий князь рассматривал Елизавету, Вильгельмина в свою очередь рассматривала Павла. Удивление, восторг, жажда обладания так явно сквозили в его взгляде, что Вильгельмина несколько не усомнилась в его выборе.

«Бедная Лиза, – подумала Вильгельмина, – она так честолюбива, и это, пожалуй, и покажется ей высшим счастьем. Но я несколько не завидую ей; разве можно быть счастливой с таким заморышем? В его лице сказываются такая необузданность, такой беспокойный, нездоровый дух, что с ним должно быть страшно тяжело!»

Она стала смотреть по сторонам, но вдруг почувствовала на себе чей-то упорный взгляд и, обернувшись, встретила с устремленными на нее взорами великого князя. Это было так неожиданно, что, не отдавая себе отчета, Вильгельмина состроила великому князю гримаску, полную отвращения и презрения.

«Фу, как ты мне гадок, как противен!» – говорил ее взгляд.

Ответный взгляд великого князя был полон такой боли, такой жалобы, что Вильгельмина вздрогнула от смущения и сострадания. Она с мольбой обратила на него свои дивные голубые глаза, словно прося извинить ее девическую несдержанную резкость, но Павел уже отвернулся от нее и стал смотреть, как императрице представляли принцессу Елизавету.

«Вот тебе и тихий ангел! – хмуро подумал он, не будучи в силах подавить в себе чувство боли. – Как смотрит-то, словно раздавить хочет!»

Слова, с которыми обратилась императрица к принцессе Елизавете, были полны особой многозначительности. Павел хмуро вспоминал, как мать еще вчера особенно обращала его внимание на старшую принцессу, и уныло поглядывал на пышную красавицу, подобострастно улыбающуюся императрице. Теперь он глядел на нее совершенно иначе. Да, она красива, но ведь не лучше Чарновской. Следовательно, с этой стороны воспитанная в строгой добродетели немка не будет в состоянии дать ему какие-либо иные, неизвестные ощущения, не заменит страстной, необузданной в ласках польки. Вместе с тем как жена-друг она тоже не годится ему: это будет домашний шпион, всецело преданный императрице – вот как она уже заранее глядит на свою будущую царственную богоданную матушку!

«Ее величество, – криво улыбаясь, думал Павел, – уверяла меня вчера, что Елизавета очень похожа на нее в юности. Но говорят также, что я очень похож на своего несчастного отца! Гм! Если это так, то схожесть принцессы с моей матушкой для меня может быть только опасной. Пусть жизнь несет мне пока мало радости, но я не имею ни малейшего желания преждевременно отправляться туда, «иде же несть болести и въздыхания»... Нет, нет! Принцесса Елизавета очень красива, но я отказываюсь от счастья быть ее мужем! Но все-таки, – продолжал он свои невеселые думы, глядя, как Елизавету заменила Фредерика, – ведь надо же мне кого-либо выбрать из этого «груза принцесс», как выразилась милая Софья! Таково желание ее величества, а ее желание – закон. Но кого же? Уж не эту ли бесцветную немку? Нет, избави бог! Так как же быть? Сказать разве, что ни одна из них мне не нравится? Или, может быть, в качестве покорного сына предоставить ее величеству избрать мне жену? Но тогда она навяжет мне эту красивую собачонку Елизавету! Лучше всего будет, пожалуй, устроить лотерею и разыграть свою судьбу между тремя сестрами! Что же, идея не так плоха, как кажется».

После нескольких равнодушно-милостивых слов Фредерика была отпущена, и представляться ее величеству надлежало принцессе Вильгельмине. Последняя весело озиралась по сторонам и казалась совершенно спокойной. Но в тот момент, когда гофмаршал склонился перед ней, чтобы вести к трону, принцесса так испугалась этого, что побледнела как смерть.

Что, собственно, так испугало ее? Она сама не могла понять это. Было ли ей просто душно, забилося ли сердце, действовала ли на нее непривычная обстановка, блеск и пышность, окружавшие могущественную русскую царицу, но только Вильгельмина почувствовала, что ноги не повинуются ей и все тело охватывает непреодолимая слабость. Почти в полуобморочном состоянии она пошла за князем Бярятинским, только и моля Бога, чтобы не упасть в обморок.

Как она была хороша в этой девической, робкой беспомощности! Куда только девались весь ее задор, бойкость, смешливость! Павел смотрел на нее, любовался без дум, без размышлений и весь уходил в созерцание ее девственной, чистой, неземной прелести.

Императрица стоя поджидала принцессу, равнодушно посматривая по сторонам. Она уже видела, как смотрел Павел на Елизавету, и была спокойна за его выбор, так согласовавшийся

с ее волей. Вся остальная часть церемонии была пустой формальностью, совершенно не интересной теперь, когда главное уже было сделано.

Вдруг она заметила, как Панин, весьма недвусмысленно кивнув в сторону Орлова, шепнул что-то на ухо стоявшему рядом с ним Вяземскому; по растерянному и смущенному лицу последнего императрица поняла, что Панин отпустил что-то неприлично едкое насчет вновь вошедшего в фавор любимца.

Она грозно сверкнула глазами, и ее лицо отразило сильный гнев; но в этот момент гофмаршал начал церемонию представления третьей принцессы, и Екатерина обернулась на звук его голоса и все тем же разгневанным на Панина взглядом уставилась на Вильгельмину.

И без того смущенная и растерянная, принцесса окончательно потеряла всякое самообладание, когда увидела этот разгневанный взор. Она не могла понять, чем это она рассердила императрицу, и это еще более увеличило ее смущение. Вдруг она неловко зацепилась ногой за ступеньку и, споткнувшись, рухнула всем телом на пол.

Великий князь вскрикнул, словно подстреленный, и бросился к упавшей, поднимая ее и шепча ей какие-то сумбурно-ласковые слова. Вид этого некрасивого, нескладного юноши, хлопотавшего около упавшей, был скорее смешон, чем трогателен; его волнение и тревога были почти неприличны. Но этого никто не заметил, так как внимание общества было отвлечено другим происшествием: императрица так испугалась этого падения, что пошатнулась и непременно упала бы, если бы Орлов не успел подскочить и схватить ее в свои объятия.

Не прошло и тридцати секунд, как весь переполох улегся, Вильгельмина со смущенной улыбкой стояла как ни в чем не бывало на ногах, и только красное пятно на щеке, которой она ушиблась, свидетельствовало о происшедшем. Оправилась и императрица. Но она испытала слишком сильный испуг от этой неожиданности, чтобы простить бедной принцессе ее падение. Окидывая несчастную Вильгельмину гневным взором, государыня натянуто кинула ей два-три пренебрежительных, холодных слова и отпустила небрежным кивком головы.

Церемония представления была кончена. Императрица многозначительно посмотрела в сторону великого князя, напоминая ему об условленном церемониале. Тогда Павел подошел к подножию трона и молчаливо преклонил колено пред императрицей.

– А, понимаю! – весело сказала Екатерина. – Понимаю, сын мой, что значит твоя молчаливая просьба! Одна из залетных иностранных фаций прельстила тебя, и ты хочешь просить у меня разрешения назвать ее своей женой? Что же, сын мой, ты вступил в тот возраст, когда можешь действовать самостоятельно. Я настолько полагаюсь на твою рассудительность, что предоставляю тебе право свободного выбора, заранее обещаясь не производить ни малейшего давления на твое решение. Так говори же, сын мой, кого отметил твой взор? Говори, чтобы я могла от всей души прижать к сердцу свою дочку!

Говоря эти слова, Екатерина с такой многозначительной, такой многообещающей улыбкой смотрела на принцессу Елизавету, что как последней, так и всем присутствующим казалось бесспорным, что выбор великого князя падет на нее.

– Раз ваше величество так добры, – громким, веселым голосом ответил Павел Петрович, – то я пользуюсь вашей высочайшей милостью и прошу руки принцессы Вильгельмины!

– Что такое? – крикнула Екатерина, гневно отступая на два шага назад. – Но я ждала от тебя совсем другого имени!

Вместо ответа Павел вскочил, подбежал к Вильгельмине, взял ее за руку и принудил перепуганную девушку выступить с ним вперед. Взгляд Павла дышал непривычной энергией; видно было, что в этом вопросе он не уступит.

Императрица молчала; молчали и все присутствующие; в зале стояла какая-то жуткая тишина.

– А, понимаю! – язвительно сказала наконец императрица. – Понимаю, в чем тут дело! Мягкое, чувствительное сердце великого князя снова сыграло с ним плохую шутку. Если бы

ее высочество не имела несчастья упасть, то сердце великого князя, наверное, склонилось бы к другому выбору. Ну да что же делать теперь! С вашей стороны, принцесса, было очень умно упасть, хотя и не особенно любезно по отношению ко мне. Ну да так или иначе, а вы добились своего. Господа, имею честь объявить вам о помолвке его высочества великого князя и наследника цесаревича Павла Петровича с принцессой Вильгельминой Гессен-Дармштадтской. О днях празднования и церемониале будет извещено особо!

VI

После этого удивительного обручения принцесса Вильгельмина как-то застыла в немой покорности судьбе. Порой отчаяние грозило переполнить чашу ее терпения, но она говорила себе: «Так хотел Бог!» – и в сознании необходимости, неизбежности случившегося находила в себе силы примириться с крушением своих девичьих грез. Чувство долга играло очень большую роль в этом еще не вполне установившемся, но глубоко симпатичном характере. Серьезно взглянув на те обязанности, которые вытекали из ее нового положения, Вильгельмина делала все, чтобы завоевать расположение русского двора. Это удалось ей до такой степени, что даже Екатерина по временам забывала свое раздражение и говорила с ней с почти искренней ласковостью.

А в сердце великого князя радостным цветом росла самая нежная любовь к невесте. Любовь творила с ним чудеса. Он потерял всю свою угловатость, неровность, даже похорошел, и Вильгельмина с некоторым удовольствием думала о том, что будущее, пожалуй, окажется вовсе не таким ужасным, каким она представляла себе по первому впечатлению.

Павел старался входить во все мелочи ее повседневной жизни и принимал самое горячее участие в уроках русского языка, которым Вильгельмина отдавалась почти со страстью, делая, к радости Павла, большие успехи. Большую часть времени, проводимого вместе женихом и невестой, они употребляли на эти занятия, и молодая принцесса серьезно и внимательно выслушивала объяснения жениха по поводу той или иной тонкости произношения или русской грамматики.

При этом она держала себя со спокойной, дружелюбной серьезностью, не допуская ни на минуту, чтобы разговор перешел в интимный, доверчивый тон.

Она как бы говорила: «Ты меня выбрал, но я тебя не выбирала. Я должна покориться и исполню свой долг. Но лицемерить я не могу и не стану. Я не знаю, кто ты такой. Мою руку ты мог взять, но сердце надо сначала заслужить».

И редко-редко бывало, что природный юмор великого князя, которым он вообще отличался в минуты душевного спокойствия, вызывал у нее веселый смех. Ведь она была молода, а остроты, хотя и строго грамматические, были так неожиданно-остроумны, что трудно было не залиться звонким девичьим смехом. Но она сейчас же спохватывалась, точно пугаясь собственной веселости, и снова ее обращение с великим князем переходило на ту грань холодности и ласковости, оставаясь на которой она могла и не внушать излишних надежд жениху, и не подавать ему повода для жалоб или неудовольствия.

Кроме уроков русского языка принцессе приходилось заниматься также Законом Божьим, так как знание русского языка и переход в православие должны были предшествовать обряду бракосочетания. В догматы православной церкви принцессу посвящал длиннородый и седовласый протоиерей Самбурский, человек образованный, умный и глубоководующий. Он понимал, что над молодой душой, воспитанной в правилах иной веры, нельзя творить насилие, а потому вводил ее в круг православного верования осторожно и исподволь. Он не оспаривал лютеранских догматов, не громил еретических воззрений, а, наоборот, подчеркивал, что вера в Христа и в Божественное искупление в достаточной мере объединяет все христианские религии, несмотря на видимую разницу, а эта разница заключается в том-то и том-то.

Эта система приносила богатые плоды. Терпимость священника обезоруживала принцессу и заставляла ее с полным доверием прислушиваться к его словам, открывать им прямой путь к сердцу, а трогательная поэтичность православных верований невольно воздействовала на ее мечтательную душу.

Правда, Вильгельмина не сдавалась так сразу. Отличаясь пытливым, острым умом, она зачастую предлагала священнику такие вопросы, на которые он затруднялся ответить прямо и

без оговорок, что заставляло его смущенно улыбаться и разводить руками. Но это было только проблесками девичьей шаловливости, развлечением; что же касалось внутреннего убеждения, то Самбурский видел, насколько искренне принцесса склоняется к православию.

В шесть месяцев Вильгельмина сделала такие успехи и в языке, и в религии, что Самбурский доложил императрице о возможности приступить к совершению обряда воссоединения принцессы с православием. Когда это было совершено с необычной помпой и пышностью и когда принцесса Вильгельмина была наречена Натальей Алексеевной, императрица лично поздравила ее с пожалованным ей титулом русской великой княжны.

Через несколько месяцев отпраздновали великолепную свадьбу; однако старой ландграфине и сестрам невесты не пришлось присутствовать на ней. Петербургский климат оказался не по силам старухе, и врачи настойчиво потребовали ее удаления. Молодая великая княжна осталась совсем одна в чуждой стране... Это заставило ее несколько отказаться от чрезмерной сдержанности обращения с женихом, и ко дню бракосочетания они были добрыми друзьями.

Да, в жизни великого князя Павла Петровича тот день, когда он повел от алтаря смущенно улыбающуюся великую княгиню Наталью Алексеевну, был одним из лучших.

VII

Через несколько дней после свадьбы великому князю доложили, что граф Панин настоятельно просит осчастливить его аудиенцией по весьма важному делу. Хотя Павел и был в этот момент погружен в весьма интересный разговор с молодой женой, но он не мог отказать любимому воспитателю в его просьбе и поспешил выйти в приемную.

Панин был грустен, его голова тряслась, взор поблек. Павел с удивлением глядел на этого всегда спокойного человека, выдержке которого он неизменно удивлялся. Что могло так поразить гордого, сдержанного графа?

Павел фамильярно взял Панина под руку, подвел к дивану и усадил.

– Как поживаете, граф? – ласково спросил он.

– Премного благодарен, ваше высочество; ее величество почтила меня особой милостью...

Павел не выдержал и рассмеялся.

– Ну, знаете, милый граф, – сказал он, – именно сегодня вы не очень-то похожи на осчастливленного человека!

– И все-таки, ваше высочество, императрица щедро наградила меня за выполнение порученной мне заботы по воспитанию вашего высочества. Помимо других ценных подарков, я имел счастье получить семь тысяч крестьян!

– Ну, что же, – улыбаясь, сказал великий князь, – у нас, в России, живой человек имеет определенную ценность в рублях и копейках, так что...

– Ее величество, – все так же грустно продолжал Панин, – объявила мне вместе с тем, что служба, которой я до сих пор имел счастье посвящать все свое время у вашего высочества, ныне кончена. Поэтому ее величество предложила мне выехать из помещения, занимаемого мною во дворце. И вот это-то, ваше высочество, и повергает меня в грусть. Я не могу примириться с мыслью, что приходится расставаться с комнатами, ставившими меня в такую близость к вашему высочеству.

Павел ласково пожал старику руку и сердечно сказал;

– Милый Панин, мне и великой княгине будет очень грустно расставаться с вами. Но вы можете быть совершенно спокойны: ее величество, отдавая это распоряжение, считалась только с тем, что ваши апартаменты могут понадобиться кому-нибудь из чинов вновь учрежденного моего личного двора, так что вы не должны усматривать тут какое-нибудь неблагоприятие!

– Дорогой мой великий князь, – сердечно ответил Панин, – поверьте мне, что дело обстоит совершенно не так. Я кое-что знаю от преданных людей, да и поседел я при дворе, так что умею разбираться в положении. Ее величество исполняет не свою волю, предлагая мне выехать из дворца, а только волю Орлова, вновь вошедшего в милость ее величества. Мне что? Я старик. Но я люблю вас, ваше высочество, мне дорого ваше счастье, а это усиление Григория Орлова не предвещает именно вам ничего хорошего. Орлов знает, какой сильный противник является ему в моем лице, вот он и хочет освободить себе во дворце широкое поле действий, оставляя ваше высочество беззащитным от всевозможных нападков. О, Орлов! Я знаю, что моя щедрая награда продиктована его волей. Но, как вы думаете, ваше высочество, для чего понадобился ему этот щедрый дар? Только для того, чтобы восстановить против меня моих адъютантов, секретарей и вообще прежних помощников на службе вашему высочеству, которым почти ничего не дали. О, я, конечно, сейчас же разделю между ними крестьян и большинство подарков, оставив себе на память только одну вещь. Меня на таких штучках не проведешь. Но, как видите, ваше высочество, положение вещей таково, что мы должны принять свои меры!

Павел внимательно выслушал Панина, и его лицо отразило глубокое раздражение. Помолчав немного, он сказал:

– Мне пришла в голову хорошая мысль. Я отправлюсь к государыне и постараюсь помочь вашему делу, любезный Панин. С одной стороны, я рассчитываю на то, что мать, которая в последнее время выказывает мне высшее благоволение, не откажет мне и в этой просьбе, а с другой... Впрочем, не буду говорить пока о своем плане. Скажу просто, что я сделаю один ответный визит, который доставит моей матери большое удовольствие. Вы научили меня быть прежде всего дипломатом; постараюсь доказать, что я – исправный ученик.

Панин ушел с тысячью благодарностей, а Павел решил сейчас же привести свою мысль в исполнение. Он позвонил камердинеру, чтобы приказать приготовить себе костюм для выезда.

Кутайсов вышел на звонок с хмурым, недовольным лицом. С того дня, когда состоялось бракосочетание великого князя с Натальей Алексеевной, он словно переродился. От его прежней подвижности и веселости не осталось и следа. Он постоянно был хмурым и недовольным. Казалось, будто он ревновал Павла к жене, влиянию которой приписывал то, что великий князь уже не болтал с ним, как прежде, часами, а в последние дни и вообще-то почти не обращал на него внимания. Теперь, явившись на зов Павла, он встал пред ним в скорбно-приниженной позе, которая совершенно не вязалась с блуждавшей на его лице иронической, злобной гримасой.

Но Павел не обратил на все это внимания и крикнул резко и недружелюбно:

– Я еду сейчас, Иван, сначала к Орлову, потом вернемся в Зимний дворец, где обожду государыню. Выбери мне такой туалет, который уместен в обоих случаях. Да поторапливайся! В последнее время ты служишь мне как будто далеко не с прежней охотой!

Иван, словно проснувшись от тяжелого сна, сделал прыжок вверх и пламенным движением бросился к ногам великого князя. Его лицо казалось злобным и упрямым, но когда великий князь внимательнее присмотрелся к нему, то с удивлением заметил, что глаза Кутайсова полны слез. Юноша казался теперь очаровательным и привлекательным, словно девушка, и великий князь, которого до бешенства раздражали все эти выходки, все-таки не мог решиться дать ему пинка ногой, как обыкновенно делал в подобных случаях.

– Были времена, – заговорил Иван, – когда Григорий Орлов был больше самой государыни, и эти времена, кажется, готовы снова настать. К Орлову не так-то легко пробраться. У него в доме поселилась толстая уродливая финка, которая играет там самую главную роль. Она лучше любого цепного пса стережет его и никого, чей нос не придется ей по нраву, не пускает.

Великий князь громко рассмеялся и, дотрагиваясь до своего носа, весело ответил:

– Тогда мне придется, пожалуй, оставить всякую надежду, так как если финка решит быть строгой, то вряд ли она сочтет носом мой скромный орган обоняния. Тем не менее я хочу попытать счастья у этой финляндской графини или герцогини, или как там вообще зовут эту толстую даму, оспаривающую у нас графа Орлова.

– Она не графиня и не герцогиня, – возразил Иван с шутовскими ужимками. – Раньше она была простой судомойкой в одном из финляндских имений графа, где граф Орлов и открыл в ней тайны природы, и какую власть забрала она в руки, видно из того, что даже теперь, когда граф Орлов в непродолжительном будущем предстанет пред всемилостивейшей государыней, она едет с ним в Петербург.

Павел вспыхнул и, окидывая Ивана строгим и мрачным взглядом, проговорил:

– Прекрати свою бестолковую болтовню, конфискованный бастард полумесяца, и помоги мне надеть шпагу. Затем пройди к великой княгине и спроси, могу ли я быть принят сейчас ее императорским высочеством, так как мне необходимо видеть ее еще сегодня до моего отъезда.

Иван Павлович окончил туалет великого князя и одно мгновение стоял как бы в колебании, указывая на дверь (как бы спрашивая, должен ли он сейчас идти) и вместе с тем выделявая своим лицом страшные гримасы.

– Что с тобой, Иван? – спросил великий князь, обративший внимание на странное поведение своего камердинера.

– Должен ли я сейчас отправиться к ее императорскому высочеству великой княгине? – в свою очередь спросил Иван, серьезно и вопрошительно взглядывая на великого князя.

– Не понимаю, почему ты медлишь исполнить мое приказание, – возразил великий князь, по-видимому сразу впавший от этого вопроса в дурное расположение духа.

– Граф Разумовский только что отправился к великой княгине, – ответил Иван, с потупленным взором и в смущении пощипывая полу своего кафтана, – а ее высочество не любит, когда нарушают ее беседу с графом Разумовским. Я боюсь лишиться милостивого расположения великой княгини, если явлюсь к ней в это время с докладом.

– Граф Андрей Разумовский? – удивленно воскликнул Павел. – Чего же ты строишь такие рожи при этом, дурак? Всемиловитейшая государыня назначила по моей просьбе графа Разумовского камергером к моей супруге, и меня радует, что великая княгиня находит удовольствие в беседе с ним. Граф Разумовский – один из образованнейших людей России, и жаждущая знаний великая княгиня получает от него всякие сведения относительно русского государства, а кроме того, он мой верный друг, так как мы любим и знаем друг друга с самого раннего детства.

Иван Павлович низко склонился, скрестив крестообразно обе руки, и бесшумно выскользнул за дверь. Великий князь посмотрел ему вслед недоверчивым взглядом и погрузился в мрачные мысли, пока наконец не решился перейти в покои своей супруги, находившиеся в том же флигеле дворца и примыкавшие непосредственно к половине великого князя.

Павел сам дивился тому, что выказывал такую торопливость; через передние комнаты он прошел почти на носках, как будто предполагая застать врасплох свою супругу, и сразу раскрыл дверь, не объясняя даже себе то чувство, которое толкало его на это.

В покое великой княгини царил странная тишина, когда туда вошел Павел. Великая княгиня, облокотившись на оконную нишу, по-видимому, была занята каким-то важным разговором со стоявшим перед ней графом Андреем Разумовским. В тот момент, когда дверь открылась и на пороге появился Павел, великая княгиня вдруг умолкла и почти испуганно взглянула на своего супруга. Граф Разумовский, по-видимому, тоже был приведен в смущение появлением Павла и, потупив взгляд, склонился перед великим князем.

Павел вопрошительно взглянул на великую княгиню. Та с невыразимой откровенностью скинула на него взгляд своих прекрасных голубых глаз, придав в то же время ему выражение гордости и решимости, что всегда производило сильное впечатление на Павла.

Павел не знал, что сказать, и даже не мог объяснить себе причину чувства неудовольствия, родившегося в его душе. Можно было подумать, что он был готов обратиться за советом к своему старому другу, графу Разумовскому, так как нерешительно повернулся в его сторону и поднял на него взгляд.

Граф Андрей Разумовский был красивым статным мужчиной и производил своей фигурой и манерами большое впечатление. Его благородная осанка не давала возможности предполагать, что он происходит из простой крестьянской семьи³. Граф Андрей пользовался благосклонностью императрицы Екатерины и дружбой великого князя Павла. Вследствие этого он был назначен военным руководителем великого князя и единственно из личной склонности к великому князю занял пост камергера при великой княгине.

– Я, кажется, помешал вашей беседе, – осведомился Павел, одновременно окидывая подозрительными и угрожающими взглядами свою супругу и графа Разумовского.

³ Род Разумовских шел от украинского крестьянина, который стал впоследствии казацким гетманом и брат которого в свое время был главным фаворитом императрицы Елизаветы.

– Мы говорили о положении крестьян, – ответила великая княгиня Наталья и взглянула на великого князя так ясно и так открыто, что Павел невольно снова потупился. – Граф был так добр, что взялся объяснить мне жизнь русского крестьянина, и я в высшей степени благодарна ему, – добавила великая княгиня, повернувшись к графу.

– Вы говорили о русских крестьянах? – повторил великий князь и громко расхохотался. – Неужели можно рассказывать что-нибудь интересное об этих несчастных, невежественных существах.

Он так громко и так грубо смеялся, что великая княгиня вся как-то съежилась и бросила украдкой многозначительный взгляд на графа Разумовского.

– Я хотел только попрощаться с тобой, Наталья, – проговорил Павел, протягивая великой княгине руку.

Она поблагодарила его формально-вежливым поклоном, который, по-видимому, снова привел в дурное расположение духа Павла, и он, окинув мрачным взглядом великую княгиню, вышел из комнаты, громко хлопнув дверью.

VIII

Граф Орлов, приехав снова в Петербург, остановился в маленьком дворце, принадлежавшем его роду. Он уже ранее несколько раз во время своих кратковременных наездов в столицу останавливался там. Выбором этого не особенно удобного и не роскошного дворца Григорий Орлов хотел показать, что, появившись снова при дворе Екатерины, он вовсе не рассчитывает занять свое прежнее положение. В противном случае он должен был бы переехать в Зимний дворец, в те самые апартаменты, которые были отведены ему некогда, когда он был властителем повелительницы одного из могущественных государств.

Таким образом, остановка графа Орлова в старом маленьком дворце была не чем иным, как обманным кокетством, желанием показать, что он каждую минуту готов покинуть Петербург. В то время как он сидел у себя во дворце, обдумывая план действий, в комнату вошел камердинер, доложивший, что приехал великий князь Павел, и адъютант великого князя пришел спросить, может ли граф Орлов принять его. На одно мгновение Орлов как бы смутился, а затем резким голосом крикнул:

– Талкуна!

В тот же момент в комнату вошла далеко не молодая женщина, необъятной толщины и весьма своеобразно одетая. Она была в длинном, ниспадавшем складками пурпурном одеянии, украшенном по бокам золотым шитьем. На голове у нее был такого же цвета тюрбан, также весь затканый золотом, с которого сзади свешивались две тяжелые кисти. Она казалась не то предводительницей дикого племени, не то рабыней. Ее большие блестящие глаза были великолепны, но выражение этих глаз и всего лица было столь гордо и столь бесстыдно, что становилось совершенно непонятным, каким образом граф Орлов мог питать к ней нежные чувства.

– Талкуна, – сказал Орлов, дружелюбно беря ее за руку, – я уже не раз был обязан своим спокойствием твоей ловкости и уму. Внизу находится великий князь, а у меня нет ни малейшего желания видеть его высочество. Если бы сама государыня захотела оказать мне честь своим посещением, тогда другое дело. Не правда ли, ты понимаешь меня, Талкуна? Я сперва должен узнать, как относится ко мне государыня, а уж потом можно будет поговорить и с сыном. Поэтому пройди, пожалуйста, в приемные комнаты, где теперь находится великий князь, и прими его вместо меня. Поди и скажи великому князю, что граф Орлов лежит на смертном одре, что я выслал тебя, как свою верную подругу, которая лучше чем кто-либо другой знает, как и чем я страдаю. Представься, как будто ты сама веришь тому, что я болен вследствие охвативших меня сомнений в благосклонности ко мне государыни. Предоставляю тебе полную свободу действий и уверен, что ты не скажешь ни одного лишнего слова и вместе с тем выведаешь у великого князя все, что будет нужно.

После этого Орлов вышел из комнаты и, пройдя в свой кабинет, заперся там на ключ. Дипломатка же в красном одеянии величественным шагом отправилась исполнять возложенное на нее поручение.

Между тем великого князя Павла Петровича ввели в приемный зал, где он стал ходить быстрыми, нетерпеливыми шагами, поджидая появления графа Орлова. Великому князю казалось странным, что он находится здесь, и, осматриваясь с горькой улыбкой вокруг себя, он бормотал:

– И вот я околачиваю пороги у убийцы моего несчастного отца. Здесь, в этих мрачных залах, подготовлялся заговор против Петра Третьего. Сама государыня по ночам приезжала в этот дом и присутствовала на тайных заседаниях... Мне известно все это еще с детства. Но подождите, пробьет час мести.

Его лицо вспыхнуло мрачным гневом, глаза пронизывали попадавшие на пути предметы, и смертельная ненависть вспыхивала в них при каждом шорохе, который, казалось, предвещал приближение графа Орлова.

Великий князь остановился перед двумя огромными картинами, которые привлекли его внимание. Это были два портрета, знакомые великому князю с давних пор; на одном из них был изображен граф Григорий Орлов, а на другом – его брат, Алексей Орлов, адмирал русского флота. Эти портреты Екатерина приказала написать после знаменитой карусели, устроенной при петербургском дворе, во время которой Алексей Орлов предводительствовал квадрилью турок, а Григорий – квадрилью римлян. Впечатление, произведенное на императрицу красавцами братьями, было столь сильное, что она отдала приказ написать их портреты в натуральную величину. Сперва портреты находились в императорском Эрмитаже, рядом с портретом самой императрицы. Во время последнего отсутствия Орлова Екатерина распорядилась перевезти обе картины в Мраморный дворец, о чем великому князю еще не было доложено. Но теперь, взглянув на портреты, Павел узнал их и вздрогнул от воспоминания.

«Вот Орловы! Вот Григорий, сердечный дружок моей царственной матушки, главный заговорщик против моего бедного отца. А вот Алексей, тот самый, который первый поднял свою гнусную руку, чтобы нанести удар своему императору. Но все-таки я чувствую себя до известной степени очень обязанным своим злодеям. Когда после гибели моего отца некоторые из заговорщиков требовали, чтобы корона принадлежала мне, а мать была только регентшей, то Орловы воспротивились этому и настояли на короновании матери. Как я счастлив, что не получил короны из рук этих негодяев! Как я счастлив, что не обязан им ничем, кроме ненависти и мести до конца!.. Когда настанет мое время...»

Среди этих дум великий князь внезапно почувствовал, что сзади кто-то тихо подошел к нему и остановился за его спиной. Он обернулся и чуть не с испугом увидел необыкновенно высокую и толстую женщину, одетую в неприличный, фантастический костюм. Под влиянием первого впечатления Павел отскочил в сторону и схватился за кинжал, спрятанный у него под платьем.

Но финка спокойно стояла, скрестив руки, и не делала никаких враждебных движений. Только ее глаза с наглой насмешкой смотрели на чахлую фигуру великого князя, не выражая ни малейшего почтения.

Павел, сконфуженный собственным испугом, оправился и повелительно указал незнакомке на дверь. Но Талкуна не двинулась с места и, приложив по-военному два пальца к своему тюрбану, заговорила грубым голосом, причем выговор явно выдавал ее нерусское происхождение:

– Граф Орлов приказал мне извиниться за него пред вашим высочеством: его сиятельство опасно заболел, в чем я могу поклясться своей честью, так как ухаживаю за ним. Поэтому он не может принять сегодня никого, будь то хоть сама государыня.

Сказав это, Талкуна состроила такую зверскую гримасу, что великий князь невольно расхохотался. Он вспомнил о том, что только что рассказывал ему Кутайсов, и догадался, что этот гвардеец и является предметом нежной страсти Орлова. Но в одном он не мог согласиться с камердинером: несмотря на неженский рост, на фантастическую толщину, на груды мяса и жира, Талкуне нельзя было отказать в своеобразном очаровании, источником которого было, несомненно, ее оригинальное лицо с парой чудных, выразительных глаз, и он с интересом и одобрением принялся рассматривать ее.

Когда Талкуна, окончив официальную часть своей миссии, заметила, какой интерес возбуждает ее фигура в великом князе, она почувствовала себя польщенной, стала кокетливо поворачиваться пред ним, словно давая возможность осмотреть себя со всех сторон, а в конце концов принялась недвусмысленно строить ему глазки, очевидно желая очаровать его и заставить кинуться к своим фундаментальным ногам.

Уловив это, великий князь снова почувствовал непреодолимое желание смеяться. Он долго сдерживался, но в конце концов захохотал и смеялся до слез. Это нисколько не смутило Талкуну, а наоборот, придало ей смелости. Покачиваясь на жирных бедрах, финка подбежала к великому князю и, протянув одну руку, другой сделала ему поцелуй.

Великий князь не без некоторого содрогания, смешанного с удовольствием, смотрел на аллюры Талкуны, а затем сказал:

– Мне было бы очень приятно еще некоторое время поговорить с вами по душе. Но только будете ли вы со мной так же правдивы, как вы очаровательны?

Талкуна улыбнулась и бросила на великого князя пламенный, многозначительный взгляд.

– Для вас – все, что хотите, – сказала она.

– В таком случае, – спросил великий князь, поглаживая ее по щеке, – скажи мне, действительно ли Григорий Григорьевич настолько болен, что не может принять сына своей государыни?

Талкуна явно смутилась. Она стояла на распутье между долгом и личной склонностью. Но долг взял верх.

– Да, ваше высочество, – ответила она с глубоким реверансом, – я сама отнесла графа в постель. Его сиятельство так простудился, что у него все члены застыли, словно замерзшее на веревке белье.

Павел посмотрел на нее таким серьезным, таким строгим, мрачным взглядом, что Талкуна испуганно остановилась и, окончательно выйдя из роли, сразу потеряла всю ту задорную наглость, с которой встретила Павла вначале.

– Как замерзшее на веревке белье? – повторил великий князь. – Это очень удачное сравнение, которое вполне соответствует сущности отношений графа Орлова к прекрасной Талкуне. Ведь уверяют, что он прельстился ее прелестями именно в тот момент, когда она стирала белье!

Талкунаostroила капризную гримасу и бесцеремонно повернулась к великому князю спиной, собираясь обиженно выйти из комнаты. Тогда великим князем овладел тот неудержимый приступ бешенства, который нередко с непреодолимой силой вспыхивал в нем, заставляя в данный момент забывать решительно обо всем на свете. Он гордо вытянулся, словно вырос, затем быстро очутился сзади Талкуны и дал ей такого пинка ногой в спину, что наглая финка тяжело рухнула на пол, заревев и громко завыв.

Это сразу привело Павла в благодушное настроение.

– Передай это от меня своему барину! – крикнул он ей и с диким хохотом отправился к своей карете.

IX

Императрица с большим неудовольствием выслушала доклад о том, что его высочество почтительнейше просит немедленно принять его. Ей было вовсе не до великого князя, но в последнее время он выказывал такую почтительность и покорность, он вообще так редко обращался к императрице-матери с какой-либо просьбой, что у Екатерины не хватило духа отказать ему. И она решилась прервать свой разговор с интересным собеседником – философом Дидро.

Это был один из выдающихся умов Франции, с которым, как и со многими другими великими людьми, Екатерина поддерживала оживленную переписку уже много лет. Царственная корреспондентка уже давно звала Дидро побывать в Петербурге, но только теперь философ смог исполнить желание императрицы и воспользоваться ее гостеприимством. Вот уже несколько дней, как он жил в Петербурге, и каждый день Екатерина старалась урвать возможно больше свободного времени, чтобы досыта наговориться с ученым. И вот во время одного из таких оживленных собеседований Екатерине помешал великий князь Павел своим посещением. Императрица, вся раскрасневшаяся от интересного разговора, с неудовольствием вскочила. Именно сегодня Дидро рассказывал ей много интересного о свободе и правах народа, и его красноречие увлекло ее далеко за пределы действительности, к которой возвращало предстоявшее свидание с сыном.

Императрица приказала провести великого князя в соседний зал и обратилась к Дидро с милостивой просьбой подождать ее, пока она не отпустит его высочества, потому что ей надо еще многое выяснить с французским ученым. Затем она отправилась к великому князю.

Услыхав ее шаги, Павел заранее принял почтительную позу. Небрежно кивнув ему головой, императрица заявила, что у нее нет свободного времени, а потому она просит его говорить как можно короче.

Павел уже давно привык к тому, что у матери для него неизменно не оказывалось времени даже в те редкие минуты, когда ему удавалось повидать ее. Поэтому он выработал особый тактический прием, заключающийся в том, что, отправляясь к матери, составлял целый план военных действий. Он заранее обдумывал, в каком боевом порядке выдвинуть все то, что ему было важно разрешить, и всегда начинал с того, что могло заинтересовать императрицу.

– Я только что прибыл из дворца графа Орлова, – сказал он, – куда отправился во исполнение желания вашего величества. Не буду скрывать, мне это было очень нелегко, но я надеюсь, что, ответив на визит графа, я сохраню высокое благоволение вашего величества. К сожалению, мне не удалось повидать графа, так как я узнал от его прелестной домоправительницы, что бедный Орлов сильно простудился и лежит в кровати. Вот и весь результат моей поездки!

– Вы говорите все это очень странным тоном, ваше высочество, – официально-холодно заметила императрица, – по-видимому, вы имели основание усомниться в правдивости сообщенных вам сведений! Надеюсь, по крайней мере, что вы были встречены с почетом, подобающим вашему сану?

– О, – ответил Павел, снисходительно махнув рукой, – меня там вообще не встречали. После того как я прождал в приемной минут двадцать, ко мне выслали прекрасную Талкуну, которая принялась строить мне глазки...

– Что такое? – гневно вскрикнула императрица. – Неужели в доме Орлова царит такой скверный тон? Кто же эта Талкуна, которой поручают встречать членов императорской фамилии?

– О, это в высшей степени почтенная особа, – с нескрываемой иронией ответил Павел. – По происхождению она финка и служила прачкой в имении графа. Она отличается колоссальными формами тела, ну, а ведь неразборчивость графа вошла в поговорку. Граф прельстился прелестной Талкуной и сделал ее другом своего сердца, на что она поспешила намекнуть мне

с первых же слов. Не умею даже описать вашему величеству, что это за грубое, нескладное, грязное существо! По какой-то странной иронии судьбы природа послала ей пару очаровательных глаз, которыми она и вытеснила из сердца графа всех его прежних возлюбленных. Ну, что же, они должны почитать себя счастливыми, что им не приходится соперничать с какой-то не то судомойкой, не то прачкой!

Императрица вздрогнула и смертельно побледнела. Она впиалась в лицо великого князя пытливым взором, словно желая убедиться, уж не ее ли имеет он в виду, говоря о соперничестве с Талкуной. Но Павел заранее приготовился к своей роли и смотрел на мать самым невинным, добродушно-улыбающимся взглядом. Екатерина перевела дух и брезгливо сказала:

– Бросим рыться в грязной изнанке жизни графа. Пусть каждый обретает свое счастье там, где оно ему доступнее и ближе. Но раз граф оказывает такое явное непочтение члену императорской фамилии, то я не вижу оснований оставлять его при дворе, тем более что в последнее время мы отлично обходились и без него. Спасибо вам, ваше высочество, за то, что вы исполнили мое желание, и не обращайтесь на эту выходку: она только показала, что великий князь воспитаннее и вежливее Орлова, как и должно быть. А теперь всего лучшего, потому что я не могу долее оставлять Дидро.

– Ваше величество! – с комическим отчаянием воскликнул великий князь. – Но ведь я так и не изложил вам своей просьбы! Она касается графа Панина.

– Что еще? – недовольно ответила императрица. – С Паниным покончено, и притом так, что он не имеет оснований к неудовольствию!

– Дело в том, ваше величество, что Панин в предписании освободить занимаемое им во дворце помещение усматривает немилость вашего величества. Мне очень больно, что старик, питающий такое восхищение и обожание к особе вашего величества, будет страдать...

Императрица на минутку задумалась, а затем сказала:

– Хорошо! Я сама не видела никаких оснований гнать Панина из дворца, но этого хотел Орлов, который представил мне ряд соображений по этому поводу. У них старые счеты... Ну что же, Орлов был невежлив к вам, и уж ради этого одного Панин может остаться. Теперь все, надеюсь? До свидания, мне очень некогда!

Екатерина торопливо вышла из зала. Ей и в самом деле было очень некогда: надо было послушать рассказ Дидро о грядущем торжестве свободы, о счастливой эпохе свободного народа, о близком торжестве идеалов права и правды, после чего предстояло еще поработать над проектом введения в Малороссии крепостного права.

Х

Императрице пришлось пережить несколько дней в большом волнении, потому что Орлов снова дал ей знать о себе. В тот же день, когда великий князь шутя рассказал ей о роли, играемой Талкуной в жизни Орлова, императрица приказала навести точные справки и убедилась, что Павел сообщил ей чистую правду. Не могла же она допустить, чтобы теперь Орлов вновь начал играть подле нее прежнюю роль! И вот к Орлову был откомандирован один из приближенных императрицы, который передал ему нижеследующее: ее величество, узнав от великого князя, что граф серьезно болен, приписывает это нездоровье влиянию петербургского климата, а потому предлагает графу немедленно выехать из Петербурга; кроме того, ее величество предлагает Орлову вручить посланному миниатюрный портрет императрицы, когда-то подаренный ею ее любимцу.

Орлов пришел в неистовое бешенство. Он заявил, что никуда не уедет – пусть-ка попробуют прибегнуть к силе. Что же касается портрета, то вот – и он схватил портрет, выломал его из золотой, осыпанной бриллиантами рамы, швырнул последнюю посланному, а портрет при нем же растоптал ногами.

Пришлось завести с графом целые дипломатические переговоры, задаривать его крупными денежными подачками, преподнести даже титул светлейшего князя. Ничто не помогало: Орлов сначала выехал из Петербурга в Царское Село, но потом опять вернулся и занял по отношению к императрице прежнюю, полную скрытой угрозы позицию.

Но вот Орлов выехал на несколько дней на охоту, и императрица свободнее перевела дух. Все время она боялась, что Орлов, которому известны все ходы и выходы во дворце, неожиданно-негаданно предстанет перед ней ночью и лишит ее жизни. Кроме того, отсутствие павшего фаворита давало ей возможность привести в исполнение одно намерение, самая мысль о котором заставляла ее пульс биться горячее обыкновенного.

Это намерение было настолько важно, что ему предшествовал обстоятельный доклад кабинет-министра, графа Панина, весьма обстоятельно и убедительно доказывавшего, что пустование комнаты фаворитов идет вразрез с интересами страны. Уже давно императрица не чувствовала с такой очевидностью, какой клад она имеет в старом Панине, и еще раз с благодарностью помянула великого князя, благодаря заступничеству которого бывшим воспитателем не пожертвовали капризу Орлова.

Действительно, Панин обладал завидным талантом угадывать желание императрицы и представлял его ей же под видом государственной необходимости. Так было уже не раз: когда императрица не знала, как отделаться от Орлова, и не решалась ни с кем посоветоваться, Панин явился с докладом о необходимости командировать верного человека в Фокшаны. И теперь он с серьезным, деловым видом говорил о замещении комнаты фаворитов, перечисляя достойных кандидатов и особенно выдвигая того, к которому склонялось сердце Екатерины.

Этим счастливым был молодой генерал Потемкин, тот самый, который в чине вахмистра принимал деятельное участие в низвержении Петра III, эскортировал карету с арестованным государем и осмелился лично преподнести императрице свою португую, когда заметил, что она, становясь во главе войск, забыла надеть таковую.

Еще тогда императрица разглядела колоссальный рост и выдающуюся красоту Потемкина. Но всеильные Орловы заметили эту опасность и сумели оттереть соперника. Долго не давали Потемкину хода, пока он не отправился в армию генерала Румянцева и не был послан последним к императрице с донесением и с самым лестным отзывом о храбрости и способности молодого генерала.

Потемкин, произведя на императрицу опять-таки самое выгодное впечатление, сам вдруг почувствовал себя глубоко разочарованным. Дело в том, что, отправляясь в Петербург и зная

о падении Орлова, он твердо рассчитывал на исполнение своих заветных планов и вдруг узнал, что в комнатах фаворитов помещался в то время Васильчиков. Потемкин захандрил, впал в покаянный стих и ханжество, которому бывал зачастую подвержен (в юности он собирался поступить в монастырь), и скрылся из вида. Екатерина была очень огорчена этим, но ее внимание было отвлечено возвращением Орлова, потом женитьбой великого князя, и только теперь, окончательно отказавшись от всякой мысли вновь сблизиться с Орловым, она опять принялась мечтать о Потемкине. После доклада Панина Екатерина настолько упрочилась в желании осуществить свою мечту, что поручила графине Брюс разыскать Потемкина и позондировать, свободно ли его сердце.

Графиня Брюс, статс-дама и интимная подруга императрицы, была одной из красивейших и элегантнейших дам двора. Императрица всецело полагалась на ее вкус, а потому Брюсочке, как звала ее государыня, поручалось многое, что было очень важно не только для Екатерины, но, если верить Панину, и для интересов государства.

Теперь императрица с нетерпением поджидала свою любимицу, которая должна была прийти с докладом по поводу исполнения своего поручения, и когда было доложено о прибытии графини Брюс, сейчас же приказала впустить ее.

– Ну, Брюсочка, – нетерпеливо спросила Екатерина, вскакивая с места при входе любимицы, – удалось ли тебе поймать за крылышки причудливого мотылька? По твоему лицу вижу, что да. Но теперь у меня новая забота: не слишком ли крепко ухватилась ты за эти блестящие крылышки? Ведь у мотыльков они покрыты очень нежной окраской, страдающей от малейшего прикосновения!

Брюсочка густо покраснела в ответ на эту шутливую фразу, отлично поняв намек государыни. Отличаясь чрезмерной пылкостью темперамента и легко теряя голову при виде красивого мужчины, графиня Брюс уже не раз превышала свои полномочия и заходила дальше, чем это бывало нужно в интересах императрицы. Разве не застала ее однажды императрица в объятиях Орлова, и притом в собственном кресле государыни? Обыкновенно очень ревнивая, императрица прощала Брюсочке ее увлечения, но держала себя с ней весьма настороже в этом отношении.

– Простите, ваше величество, – шутивно ответила графиня, – но былой мотылек превратился ныне в длиннородного монаха, и в этом странном наряде мне удалось разыскать его!

– Что вы хотите сказать этим, графиня? – строго спросила Екатерина. – Не мог же Потемкин постричься!

– Ваше величество, Потемкин отрастил себе бороду и заперся в кельи Александро-Невского монастыря. Я застала его над чтением пожелтевших церковных книг, в которые он так углубился, что долгое время не отзывался на мой привет. Наконец, когда я осмелилась потрясти его за плечо, он обернулся ко мне и торжественно попросил поздравить его с обретением истинного мира. Я с ужасом принялась отговаривать его, указывала на то, что в жизни слишком много светлого и радостного. Тогда из его глаз брызнули слезы, и он начал говорить мне о своих сверхчеловеческих страданиях, перенесенных в миру. Ах, если бы вы, ваше величество, видели, сколько муки было у него на лице! В конце разговора он заявил мне, что не пройдет и трех месяцев, как монастырь окончательно и бесповоротно скроет его в своих стенах.

– Неужели он не сказал ни слова о том, что именно, какие именно страдания заставили его искать спасения в монастыре? – спросила императрица, весь вид которой выдавал ее безграничное волнение.

– Он сказал только, что причиной всему была безнадежная любовь.

– И тебе не удалось узнать, кто та жестокая, которая отвергла его?

В глазах у Брюс заиграли лукавые огоньки.

– Дело в том, ваше величество, что Потемкин только воображает, будто он любит безнадежно. Конечно, он слишком высоко поднял свои взоры, но разве страсть разбирает? Да и если

там, наверху, куда он дерзнул кинуть взор, его страсть могла быть принята благожелательно... Но так или иначе, а Потемкин почему-то отчаялся и предпочел удалиться в монастырь. Улыбка торжества озарила лицо Екатерины.

– Но послушайте, графиня, – тоном ласковой укоризны сказала она, – я дала вам такие полномочия, которые могли бы успокоить бедного генерала и внушить ему больше доверия к судьбе! Что же сделали вы, графиня Брюс?

– Не зная, как утешить бедного генерала, – шаловливым тоном ответила графиня, – я решила пригласить его сегодня в десять часов вечера на ужин.

– Брюсочка, да ты прелесть! – воскликнула Екатерина, захлопав от радости в ладоши. – Ну а сказала ты ему, кто случайно может зайти к тебе вечером?

– О нет! Я только намекнула, что судьба обыкновенно награждает тех, кто терпеливо переносит ее удары. Но только если бы ваше величество знали, что за смешной человек этот Потемкин! Как только я пригласила его на ужин и намекнула на то, что к нам двоим может присоединиться еще и третий, Потемкин вскочил и сжал меня в объятиях с такой силой, что я боялась быть раздавленной. Затем он бросился метаться по келье, разбрасывая все свои вещи по сторонам, пока не нашел того, чего искал: громадных ножниц. Я была крайне изумлена, не угадывая его намерения, но затем успокоилась, когда увидела, что он отрезал себе бороду и разбросал ее клочками по всей келье. Затем – я еще не успела и скрыться – он торопливо принялся переодеваться из монашеского платья в свое прежнее. Я поспешила добраться до дверей и убежать, но на прощанье все-таки крикнула ему, чтобы он не опаздывал к назначенному часу!

– Спасибо тебе, Брюсочка, – сказала Екатерина, – ты вновь оправдала мое доверие и отлично справилась с возложенной на тебя обязанностью. Я с удовольствием проведу сегодня вечером несколько минут в твоём доме, куда меня уже давно тянет. Если при уходе я сделаю тебе обусловленный знак, то сейчас же устрой все так, как тебе еще раньше было предписано делать в подобных случаях.

С этими словами императрица отпустила графиню.

XI

Потемкин явился к назначенному часу во дворец к графине Брюс во всем блеске своего генерал-лейтенантского чина. Уже ничто не напоминало в нем теперь человека, твердо решившего похоронить себя в монастыре.

– Итак, мне предстоит свидание с прелестной графиней Брюс? – воскликнул он, входя по приглашению графини в столовую, где на большом, богато украшенном и заставленном цветами столе красовались два прибора, что поражало по сравнению с массой зажженных огней: сотни горящих свечей заставляли предполагать, будто здесь произойдет пышный фестиваль персон на пятьдесят по крайней мере.

– Ну, этот тет-а-тет нам не опасен, – ответила графиня с чарующей улыбкой, – тем более что мы недолго будем одни: как я уже говорила вам утром, по всей вероятности, к нам присоединится и третья персона, но только не сейчас. Поэтому мы можем пока приступить к ужину. Рекомендую вам, генерал, заняться этим паштетом из молок: древние недаром приписывали молокам возбуждающие свойства, а вам ведь надо прищипорить свое воображение, чтобы немедленно вырешить, как достойнее всего использовать представившийся вам необыкновенно счастливый случай!

– Клянусь всеми богами древности! – воскликнул Потемкин. – Я буду счастливейшим из смертных, если государыня...

– Тише! – остановила его графиня. – Мы не должны называть здесь никаких имен! Вспомните детскую сказку о кладоискателе, у которого клад вырвался из рук и вновь скрылся под землей в наказание за нескромность!

– Так вот как? – улыбнулся Потемкин. – Значит, вы, милая графиня, хотите переселить меня в мир сказок? Ну, да не беспокойтесь: я не окажусь таким глупцом, который способен упустить все счастье своей жизни из-за излишней болтливости! Нет, что я схвачу, то уже не выскользнет из моих рук!

– Так схватите, пожалуйста, кусочек этого паштета и займитесь едой, генерал!

Потемкин рассмеялся, с некоторым фатовством закрутил пышные усы, уселся за стол и принялся уписывать за обе щеки, не упуская случая приложиться также к замороженному шампанскому.

– Да здравствуют деликатесы кухни графини Брюс и вино огненной Шампани! – произнес он, высоко поднимая стакан.

Потемкин ел долго, старательно и сосредоточенно. Вдруг он хлопнул себя по лбу, сорвался с места, подбежал к большому венецианскому зеркалу и принялся тщательно разглядывать свое отражение.

– Чтобы меня черт побрал! – жалобно воскликнул он наконец. – У меня отвратительнейший на свете вид. Эта монастырская жизнь повлияла на меня ужасно скверно, и, не явись вы сегодня подобно светлому ангелу, чтобы вывести меня из этого душеспасительного чулана, я окончательно извелся бы... А тут еще потеря левого глаза...

– Кстати, генерал, каким образом вы повредили себе его? Тут болтали, будто однажды, подавшись чарам хмельного бога Бахуса, вы вступили на улице в драку и палкой...

– Что за чушь! – рассердился Потемкин. – Левый глаз вышиблен мне проклятым Орловым. Во время переворота шестьдесят второго года всемиловейшая императрица изволила кинуть на меня благосклонный взор, что не скрылось от внимания Гришки Орлова. Однажды он подметил, с каким восхищением и обожанием я взираю на сладостный облик ее величества. Подъезжает он ко мне – дело было на смотру – да и говорит: «Смотри, брат, как бы у тебя чего худого со зрением не случилось: не безопасно подолгу на солнце смотреть!» Тогда я не обратил на это внимания, а пришлось мне эти слова вспомнить не раньше вечера, когда Орлов

пригласил меня к себе, накормил, напоил, а потом предложил сыграть партию на бильярде. Во время игры я оперся локтями на борт и смотрю, как Орлов готовится трудного шара от двух бортов в лузу положить. Вдруг он крикнул «берегись», стукнул кием по шару, и тот от борта отскочил вместо лузы мне в глаз: ведь Орлов играет на бильярде как черт! Ну, вот с тех пор глаз у меня стал болеть, болеть, да и пропал! Ну, да просчитался Гришка! Все равно – я и с одним глазом больше увижу, чем он с двумя...

В этот момент в соседней столовой комнате послышался легкий шорох, и оттуда появилась государыня. Графиня еще раньше услышала шум ее шагов и хотела обратить внимание Потемкина, чтобы он был поосторожнее, но появившаяся на пороге столовой Екатерина жестом приказала ей молчать и с шаловливым любопытством стала прислушиваться к словам ничего не подозревавшего Потемкина.

А тот продолжал:

– Гришка красив, силен, ну, да и я не плох: ему со мной в борьбе не совладать. А что касается ума, так и говорить нечего: мой тезка глуп, как черкасский бык. Немудрено, что он не сумел удержаться в милости ее величества: где такому насекомому с орлом в поднебесье парить!

– Здравствуй, Брюсочка! – произнес за его спиной чей-то голос.

Потемкин испуганно обернулся, увидел государыню, вскочил, да так и замер с разинутым ртом.

– Я очень люблю время от времени побывать у милой Брюсочки, – продолжала Екатерина, обращаясь к Потемкину и любуясь его растерянностью. – С ней так хорошо поболтать по душе! Но могла ли я рассчитывать встретить здесь храброго вояку Потемкина, который, как говорит скандальная хроника, решил отречься от благ мира сего и покончить свои дни в монастырской келье?

– Ваше величество... – начал смущенный Потемкин.

– Одно слово, милый генерал: прошу заметить, что здесь я бываю не как государыня, а просто как подруга милой Брюсочки. Поэтому здесь нет места титулам! Итак, я упомянула, что с Брюсочкой очень приятно вести беседу. Что вы скажете на это, генерал?

– О, графиня вообще прелестная женщина, – ответил, набравшись храбрости, Потемкин, – но лучше всего в ней то, что она имеет таких подруг, благоволение которых способно вознести нас на седьмое небо. Клянусь, я с радостью превратился бы из генерала Потемкина в графиню Брюс, если бы только мне была обеспечена дружба ее подруг – не всех, разумеется, а только одной: царицы любви и всех приятностей, царицы ума, доброты и грации!

– Так вот как? – улыбаясь, ответила императрица. – Генерал хочет превратиться в статс-даму? Наверное, он проведет, что я собираюсь заключить мир с турками, и боится, что в качестве испытанного вояки окажется за штатом, так как в мирное время ему негде будет проявить свои способности? В таком случае я поспешу успокоить генерала: его услуги понадобятся родине и в мирное, и в военное время.

Сказав это, Екатерина бросила такой пламенный, манящий взгляд на генерала, что Потемкин готов был вскочить с места и тут же броситься к ногам государыни. Но испуганный взгляд графини Брюс сказал ему, что чрезмерная горячность пока еще способна только все погубить, и Потемкин поспешил сдержаться.

– Итак, ожидается заключение мира? – сказал он с глубоким поклоном. – Ну, что же, раз Потемкин может пригодиться в мирное время, так он счастлив. О, я всегда буду рад отдать всю кровь своего сердца до последней капли за царицу... Извиняюсь, что упомянул здесь имя ее величества, но в конце концов что же делать? Ведь мы имеем нашу царицу, нашу великую, мудрую красавицу-царицу, так как же не обмолвиться, как же не проронить ее высокого имени, раз мысль непрестанно возвращается к ней?

Екатерина с ласковым вниманием слушала Потемкина. Видно было, что эти льстивые, рассчитанные фразы находили прямой путь к ее сердцу, уже подготовленному к восхищению красивым, умным, храбрым офицером.

– До свидания, – сказала она, вставая с места, – я подумаю на досуге, чем мне вознаградить храброго героя турецкой войны и как усладить его жизнь в мирное время!

Екатерина ласково кивнула Потемкину и, обратившись к графине, сделала едва уловимый знак рукой. Затем она исчезла так же неслышно и таинственно, как появилась.

– Последний жест ее величества решил все, – тихо сказала графиня, когда они остались одни.

– Как? – воскликнул Потемкин. – Значит, моя судьба решена? Ура! – и он принялся хлопать в ладоши, словно маленький мальчик.

– Теперь мы должны следовать программе, раз навсегда установленной ее величеством для подобных случаев, – продолжала Брюсочка, принимая гордый вид важного должностного лица.

– Программа? При чем здесь программа? К черту программу! – крикнул Потемкин, делая нетерпеливую гримасу.

– Прошу вас, генерал, видеть в данный момент во мне должностное лицо, которое не может допустить, чтобы к программе ее величества относились без должного уважения!

– Да что я должен делать-то?

– Прежде всего установленная ее величеством программа требует, чтобы вы предложили мне руку и проводили меня в мой будуар...

– Ну, а потом?

– А потом видно будет. Если обстоятельства сложатся для вас благоприятно, то вы должны будете вместе со мной отправиться во дворец.

Не говоря более ни слова, Потемкин поспешил к графине, схватил ее за талию, поднял на воздух и словно ребенка вынес из столовой. Через час он уже сидел с графиней Брюс в карету, которая быстро помчалась ко дворцу.

К последнему они подъехали не с главного входа, а с маленького бокового подъезда. Там они поднялись по узенькой мраморной лестнице в первый этаж дворца и направились по молчаливому, тихому, напоенному ароматами курений коридору.

Так дошли они до небольшого салона, в котором царил приятный полусвет. В первый момент Потемкин не мог ничего разглядеть, но затем мало-помалу заметил, что обстановку этой комнаты составляла очень причудливая мягкая мебель, – креслица, турецкие диванчики, кушетки, – тонущая в массе зелени и цветов. Полуотворенная узенькая дверь позволяла видеть смутные очертания винтовой лестницы.

– Мы прибыли на место, генерал! – тихо шепнула ему графиня.

– Да ведь это комната фаворитов! – пробормотал Потемкин. – А там, не правда ли, виднеется лестница, которая ведет в комнату ее величества? Ну, а скажите, графиня, дальше-то как же? Ждать мне чего-либо или так, просто...

В ответ графиня молчаливо показала на дверь, глубоко поклонилась Потемкину и скрылась. Потемкин остался один.

В первый момент он хотел броситься прямо к лестнице, но вдруг у него с такой силой забило сердце, что он чуть не упал. Он, тяжело дыша, опустился в кресло и задумчиво смотрел на лестницу. Он хотел сначала собраться с силами, привыкнуть к мысли о неожиданно блеснувшем счастье, а уж потом действовать.

Мало-помалу его глаза привыкли к этой полутьме, и очертания мебели, комнаты и лестницы явственнее выступили пред ним. Вместе с тем ему начало казаться, будто в самом низу лестницы виднеется очертание какой-то большой, но согнувшейся, притаившейся и старав-

шейся остаться незамеченной фигуры. Заинтересованный Потемкин подошел ближе и вдруг с изумлением, доходившим до испуга, отскочил назад: перед ним был Орлов.

– Какого черта вы тут делаете? – вскрикнул он.

Орлов встал и выпрямился во весь свой колоссальный рост.

– Ваше появление в этой комнате, – сказал он, подходя к Потемкину и положив ему руку на плечо, – имеет характер официального назначения, друг мой, в чем меня особенно убеждает то, что явились вы сюда под очаровательным конвоем графини Брюс. Но вы видите, что Орлов по-прежнему стоит на своем посту, а потому советую вам очистить это место, принадлежащее мне по праву!

– Полно! – ответил Потемкин, энергично стряхивая с своего плеча руку Орлова. – Ваше сиятельство собираетесь распорядиться на чужой территории, забывая, что вы уже давно потеряли здесь какое-либо влияние. Вы забрались сюда силой или хитростью, но во всяком случае без ведома державной хозяйки этих комнат. Однако по этой лестнице вам уже больше не подниматься – ручаюсь вам!

– Уж не ты ли помешаешь мне? – крикнул Орлов, поднимая руку для удара.

– Берегись, князь! – с мрачной решимостью ответил Потемкин, не отступая ни на шаг и вперя энергичный взор в искаженное бешенством лицо Орлова. – Я не слабее вас и в обиду не дам. А стоит мне только крикнуть, и сюда вбежит достаточное количество стражи, которая поможет мне скрутить вас по рукам и ногам. И – предупреждаю вас, князь, – скандал, который по вашей милости разыграется в личных покоях ее величества, не получит огласки, потому что будут приняты все меры, чтобы вы исчезли без следа, как исчезали уже многие... Или вы сейчас же уйдете отсюда добровольно, или завтра вам будет предоставлена возможность обратиться с челобитной к самому Господу!

Орлов на минуту задумался. Самые разнородные чувства и страсти боролись в его душе, отражаясь на лице рядом судорожных гримас. Он понял, что его ставка проиграна, что всякая попытка насильственно устранить Потемкина в данный момент приведет только к полному и окончательному крушению его же самого, Орлова.

– Я считаю ниже своего достоинства вступать с вами в соперничество, – презрительно сказал он. – Честь и место! – и с ироническим поклоном он вышел из комнаты.

Потемкин прислушался к шуму его удалявшихся шагов и с торжеством воскликнул:

– Ну, Гриц, теперь все сметено с пути. Так вперед же, вверх, поднимайся!.. Эта маленькая лестница способна завести тебя очень высоко!

XII

По случаю ратификации мирного договора с Турцией императрица устроила в царско-сельском дворце пышное празднество, на которое были приглашены также и великий князь Павел с супругой. Обыкновенно довольно запущенное и пустынное царскосельское шоссе теперь сверкало роскошными придворными и аристократическими экипажами, направлявшимися к дворцу, расположенному среди роскошных цветников. Сам по себе дворец производил неприятное впечатление своим мрачным, унылым видом, однако это не мешало Екатерине избрать его своей излюбленной летней резиденцией. Правда, по приказанию Екатерины дворец подновили, расцвелили красками и позолотой, но все это так не вязалось с мрачной архитектурой дворца Анны Иоанновны, что украшения только подчеркивали угрюмость настроения.

Великая княгиня Наталья Алексеевна со скрытым ужасом смотрела на этот дворец, когда она с великим князем подъезжала к главному portalу, где виднелась пестрая толпа нарядных дворцовых слуг, ожидавших прибытия высоких особ. Наталья Алексеевна и сама не могла бы объяснить, в чем причина ее неприятных ощущений. Правда, об этом дворце ходило много мрачных легенд, но подобными легендами были обвиты все русские здания, которые ей приходилось видеть. Однако тут ей казалось, будто кровавые тени незримо прячутся по уголкам, грозятся, жалуются и вот-вот выступят из своих убежищ для активного вмешательства в веселую жизнь праздника. И это ощущение не покидало ее и тогда, когда она поднималась под руку с мужем по нарядной, светлой мраморной лестнице в парадные покои.

Да, невесело жилось молодой царевне в России! Она прибыла туда веселой, жизнерадостной резвухой, подростком, но несколько месяцев превратили ее в исстрадавшуюся женщину. С того самого момента, когда мрачные стены Мраморного дворца дохнули на нее жутким холодом, ее нежная, хрупкая душа испуганно заледенела и уже никогда не могла окончательно оттаять. И это отталкивало от нее симпатии всех упитанных, довольных царедворцев, которым не было дела до внутренних переживаний молодой души, которые искали от жизни только поверхностной остроты ощущений и которым тревога и скрытая печаль взгляда молодой великой княгини только портили аппетит и настроение. Ближайшие чины двора обожали ее за ее доброту, ласковость, чарующий такт обращения. Все, от простой судомойки до ближайшей статс-дамы, называли ее «тихим ангелом», но не все решались открыто проявлять свою симпатию: ведь недружелюбное отношение императрицы к великой княгине не было секретом ровно ни для кого!

Действительно, нелюбовь Екатерины с каждым днем все росла и росла. К первым причинам недовольства – сцене в Мраморном дворце и падению на торжественной аудиенции – прибавилось еще многое другое. Екатерина находила, что честь быть женой ее сына настолько велика, что счастливая избранница должна бы сиять восторгом и торжеством. Между тем великая княгиня была грустна, в ее зоре виднелось страдание, все ее жесты, движения, грустная улыбка – все говорило о смерти ее грез и надежд. Кроме того, императрице уже успели донести, что великая княгиня интересуется правовым положением русского народа и постоянно высказывает недоумение, как это возможно существование подобных порядков, давно отживших в культурной Европе. Вся жизнь Екатерины с момента приезда в Россию до переворота 1762 года, вознесшего ее на русский престол, прошла в бесконечных интригах – сначала против политики императрицы Елизаветы, потом против прав мужа и сына. Естественно, что она применяла к великой княгине свой собственный аршин и считала ее способной к таким же интригам. Императрицу уже давно пугали тем, что Павел Петрович с течением времени может образовать собственную партию и пытаться свергнуть ее с трона. Она утешала себя только сознанием вялости и политической неспособности сына. Но в руках ловкой интриганки и Павел мог стать опасным орудием, а какой крупный козырь в игре «партии цесаревича Павла»

мог иметь призыв к восстановлению попираемых прав народа! И вот, учитывая все это, императрица ненавидела великую княгиню не только в силу чисто физической антипатии, но и как опасного политического противника.

Ко всему этому присоединилось также недовольство тем, что женитьба не вызвала в Павле ожидаемой императрицей перемены. Она думала, что Павел станет веселее, об руку с молодой женой погрузится в вихрь удовольствий и развлечений, ну, а кто занят танцами да маскарадами, тому некогда ковать политическую интригу. Однако Павел Петрович только в самое первое время после свадьбы был доволен, весел и даже послушен ее желаниям – качество, которым великий князь обыкновенно похвалиться не мог, – а затем опять все пошло не только по-старому, но даже еще хуже: Павел был неизменно мрачен, его взгляд горел внутренним тревожным огнем, выдававшим какую-то сведавшую его душевную боль, по отношению к матери он стал еще более резок, несдержан и дерзок. И все это Екатерина приписывала влиянию невестки.

Пред обедом согласно церемониалу должен был иметь место торжественный прием императрицей высших чинов государства. Этот прием происходил в так называемом «Янтарном зале». Стены этой комнаты были сплошь выложены янтарем; этот ценный подарок был сделан прусским королем Фридрихом Вильгельмом I императрице Анне Иоанновне.

Екатерина стояла в этом зале под балдахином у трона, окруженного блестящей толпой царедворцев. Появление великокняжеской четы не вызвало перерыва торжественной церемонии, так что можно было даже подумать, будто никто и не заметил, как Павел с супругой вошел в круг стоявших у трона чинов. Только императрица вдруг запнулась на полуслове и гневно сверкнула взглядом в сторону великой княгини. Странное дело! Глаза этой женщины-ребенка неизменно оказывали на императрицу таинственно-неприятное действие. В присутствии великой княгини Екатерина начала чувствовать себя «не по себе», ей было трудно дышать, тяжело говорить, мысли ее путались.

Но это замешательство было делом какой-нибудь ничтожной секунды. Императрица овладела собой и спокойно продолжала свое обращение к окружавшим ее придворным.

Это обращение касалось генерала Потемкина, стоявшего в непосредственной близости от трона и сиявшего счастьем и торжеством. Императрица объявила, что успешность ведения войны в значительной степени зависела от проявленной генералом Потемкиным рассудительности и храбрости, а призванный потом для совещаний по вопросу о заключении мира этот генерал выказал недюжинные государственные способности, которыми делу заключения мира было дано быстрое и для интересов российской короны донельзя успешное движение. Ввиду всего этого Потемкин был назначен личным адъютантом государыни, а за военную доблесть награжден золотой шпагой, усеянной крупными бриллиантами.

Внимательный наблюдатель, которому пришлось бы в голову следить за выражением лица Потемкина, сумел бы уловить у него, кроме радости и торжества, также проблески худо скрываемой иронии. Потемкин был слишком умен, чтобы считать за чистую монету все сказанное в восхваление его доблестей. Он знал, что таких генералов, которые проявили храбрость в турецкой войне, было много десятков, что мирные переговоры велись по инструкциям и под непосредственным контролем самой императрицы. Если же и была им, Потемкиным, проявлена выдающаяся доблесть, то не на полях сражения и не в залах совещания, а при совсем особых, высокоинтимных обстоятельствах. Но разве не всегда так бывает на свете? Разве награждается тот, кто оказал действительную пользу, а не тот, который тем или иным путем сумел понравиться? Да и не все ли равно – и ум, и способности, и красота одинаково не приобретаются, а получают от природы в виде готового дара. От самого человека зависит умение использовать наивыгоднейшим образом свои природные данные, и разве не одно сплошное удовольствие смотреть, как при словах императрицы искажаются злобой и бешеной завистью лица всех этих придворных гробокопателей, которые хотят строить свою карьеру только на

основании прав рождения, на фундаменте заслуг предков? Пусть злятся, пусть бесятся! Пусть они способнее, умнее, талантливее его, Потемкина, а все-таки им придется склониться пред ним, признать в нем своего господина и хозяина!

Потемкиным овладела почти непреодолимая потребность расхохотаться прямо в лицо всем этим графчикам и князьям, но он понимал, что еще не пришел тот момент, когда его самый неприличный поступок будет раболепно приниматься в качестве неопровержимого доказательства гениальной оригинальности, талантливого чудачества. А все-таки как неудержимо хотелось ему смеяться!

Стараясь справиться с одолевавшим его смехом, Потемкин невольно корчил гримасы. Это заразило великого князя, наблюдавшего за нововосходящим светилом. С самого детства у Павла наблюдались наклонности к эпилепсии, и в особенности он бывал чувствителен и восприимчив к искажениям чужого лица: великий князь не мог не подражать игре мускулов наблюдаемого субъекта. Так и теперь: лицо великого князя с карикатурной преувеличенностью отражало мимическую игру лица Потемкина. Это было замечено придворными, и некоторые из них, в особенности молоденькие фрейлины, уже начинали фыркать от смеха. Неизвестно, чем бы кончилось это и до чего дошел бы скандал, если бы Потемкин вдруг не задумался и не застыл в мечтательном выражении лица. Такая перемена благодетельно подействовала на настроение великого князя, он тоже перестал гримасничать, и инцидент был исчерпан.

Тем временем императрица кончила восхвалять выдающиеся заслуги Потемкина и двинулась вперед. Круг придворных раболепно расступился пред ней. Екатерина остановилась и принялась обводить присутствующих возбужденным, пламенным взором. Она остановила его на великокняжеской чете, как бы желая, но не решаясь заговорить с нею.

Прошла минута томительной паузы. Наконец движением руки императрица подозвала к себе Павла Петровича и Наталью Алексеевну, и те сейчас же подошли ближе к ней.

– Я еще не приняла пожеланий счастья от ваших высочеств, – сказала она с натянутой любезностью, – а сегодня такой день, когда мне хотелось бы, чтобы все вокруг меня разделяли мое счастливое настроение. Ну, ваше высочество, – обратилась она к Павлу, – что скажете вы по поводу Кайнарджийского мира, заключенного мною в полной уверенности тех преимуществ, которые вытекут для России из этого соглашения. Это – очень крупный шаг вперед; он еще более увеличивает значение нашей страны в кругу европейских и азиатских держав!

В ответ Павел молчаливо поклонился. Его поза говорила о раболепном преклонении пред мудростью великой государыни-матери, но вокруг рта играла та ироническая улыбка, которой так боялась, которую так ненавидела в сыне Екатерина. Великая княгиня тоже ни слова не прибавила к полному достоинства молчаливому поклону в ответ на слова ее величества.

– Вообще, – с худо скрытым раздражением прибавила Екатерина, – я буду искренне обязана, если меня избавят сегодня от хмурых, полных страдания гримас. Как-то не вяжется такое выражение лиц с общегосударственным торжеством и моим исключительно счастливым настроением!

Эти слова, брошенные по адресу великой княгини, произвели на последнюю действие удара кнута. Наталья Алексеевна вздрогнула, побледнела, покраснела и затем кинула на императрицу взгляд, полный негою, страдальческого укора.

– А знаешь ли, Павел, почему я сегодня так особенно довольна? – продолжала Екатерина, по-прежнему совершенно игнорируя великую княгиню. – Потому что сила мятежного Пугачева наконец-то сломлена и не сегодня завтра его, связанного по рукам и по ногам, привезут на суд. Да, много бед наделал нам этот казак! Конечно, надо было обладать всем невежеством, глупостью и развращенностью, составляющими отличие подлой черни, чтобы попасться на удочку этого мятежника!

Что-то дрогнуло в лице великой княгини при этих жестоких, полных наивного самодовольства словах императрицы. И, не обдумывая своего вопроса, не считаясь с его уместностью, она сказала своим звонким, мелодичным голосом:

– Правда ли, что этот казак действительно был очень похож на покойного императора Петра Третьего? Мне кажется, что в нем все-таки было что-то особенное, раз весь юго-восток восстал, чтобы помочь самозванцу вернуть мнимоутраченный престол...

Дорого дала бы Наталья Алексеевна, чтобы вернуть эти тихо сказанные слова, которые отразились на настроении присутствующих подобно удару грома. Она не хотела ни на что намекать; ей просто хотелось воззвать к хорошей части души императрицы, указать, что народ, довольный настоящим правлением, не встал бы на сторону первого попавшегося мужика. Но как императрица, так и все присутствующие усмотрели в этих словах вызов, намек на то, что престол принадлежит не Екатерине, а ее сыну, что до тех пор, пока она будет незаконно владеть им, подобные бунты не преминут повториться.

Лицо Екатерины потемнело от гнева и исказилось судорогой. Все ждали, что императрица, страшная в припадках раздражения, обрушится на неосторожную молодую женщину. Но в этот момент Потемкин, стоявший рядом с императрицей, нагнулся к ее уху и шепнул что-то, от чего лицо Екатерины просветлело и разгладилось.

– Ты прав, Григорий, – шепотом ответила она, – на глупость сердиться не приходится. Григорий Александрович! – вслух продолжала она. – Будьте любезны ответить ее высочеству на ее более чем странный вопрос!

– Ваше высочество изволили спросить, не потому ли народ пошел за Пугачевым, что дерзкий казак был похож лицом на в бозе почившего императора Петра Третьего, – сказал Потемкин. – Затем ваше высочество изволили высказать предположение, что мятежник был отмечен перстом судьбы, так как без этого не сумел бы повести за собой народные толпы. Отвечу сначала на первый вопрос. В бозе почивший император царствовал слишком короткое время, и его царствование не было отмечено никаким клонящимся к народной пользе деянием, которое могло бы снискать ему народную память и любовь. Наоборот, когда его величество соизволил повелеть синоду, чтобы православные священники обрились и одевались в подобное лютеранским пасторам одеяние⁴, то в народе поднялись волнения, вызвавшие опасения за целостность династии. Принимая все это во внимание, можно считать достоверным, что народ, не зная лица почившего императора, не мог верить в самозванца, а, памятуя о попытках почившего нанести удар чтимой вере православной, не мог и желать восстановления его царствования, особенно теперь, когда всяк и каждый вкушает плоды мудрого управления нашей обожаемой монархии. Но мудрое правление ее величества включает в себя все то, что входит в понятие этого слова, то есть порядок, законность и твердость, что так ненавистно живущему неправдой сброду. И не народ, а вот этот-то сброд и пошел вслед за мятежным казаком: орда разбойников увидела в разбойнике своего главу. Что касается особой печати судьбы, то осмелюсь уверить ваше высочество, что мятежник действовал хитростью, обещая своим приверженцам невозможное. Не выдающимися дарованиями, а обещаниями злобуйственной, вредной свободы, освобождения исконных рабов от власти господ, нарушения твердых основ государственности увлек за собой Пугачев прочих мятежников. И скажу еще – да простится мне эта смелость! – суждение, какое всем нам пришлось услышать от вашего высочества, возможно только в устах иностранца, так как каждый верноподданный ее величества почел бы такое суждение государственной изменой!

Последние слова Потемкин произнес твердо, подчеркнуто, с особым ударением. Придворные опасливо переглянулись между собой – совсем через край перехватил блестящий

⁴ Исторический факт.

фаворит! Как ни не любит государыня своей невестки, а за подобные слова она, пожалуй, тоже по шерстке не погладит!

Но вопреки всеобщему ожиданию Екатерина милостиво кивнула Потемкину головой и даже зааплодировала.

– Браво, браво! – сказала она. – Так должен мыслить и говорить каждый истинный русский и верноподданный! – и, сказав это, она презрительно отвернулась от великой княгини.

Наталья Алексеевна была теперь окончательно перепугана и потрясена. Она робко оглянулась вокруг, но при ее взгляде все придворные немедленно силились изобразить негодование. В виде последнего прибежища она с робкой мольбой взглянула на великого князя, но тот ответил ей гневным, возмущенным взглядом. Все закружилось пред взором молодой женщины, она схватилась рукой за сердце и чуть не упала. Да она и действительно упала бы, если бы ее не поддержала чья-то заботливая рука, в то время как знакомый милый голос шепнул:

– Ваше высочество, оправьтесь, овладейте собою, не доставляйте всем им такого торжества!

Наталья Алексеевна слабо улыбнулась и еле заметным кивком головы поблагодарила поддержавшего ее Разумовского.

Тем временем императрица, милостиво разговаривая с окружившими ее лицами, медленно направилась к выходу. Все устремились вслед за ней. Великая княгиня осталась одна.

Еще большее, еще острее ощутила она те смутные предчувствия, которые томили ее с самого приезда в Петербург. Отдаваясь своей тихой меланхолии, Наталья Алексеевна подошла к окну и стала смотреть на ветвистые деревья парка; и ее с неудержимой силой потянуло вдруг из этой душной, пропитанной интригами и лестью атмосферы на свежее лоно чистой природы.

Повинуясь этой жажде природы, Наталья Алексеевна скользнула через полуоткрытую дверь в галерею, уставленную мраморными бюстами и полуокружием обнимавшую дворец. Окна галереи были закрыты. Великая княгиня распахнула одно из них, оперлась обоими локтями на подоконник и стала жадно впивать в себя летний воздух.

Осторожный шум, послышавшийся сзади нее, вывел ее из мечтательной задумчивости. Наталья Алексеевна обернулась и увидела пред собой Разумовского.

– Разве меня уже хватились в зале? – с испугом спросила его великая княгиня.

– Это был очень неосторожный шаг со стороны вашего высочества, – с ласковым упреком ответил Разумовский. – Боже мой! Уйти в то время, когда ее величество изволит беседовать! Какое нарушение этикета! – Разумовский с комическим отчаянием всплеснул руками. – Но вам, ваше высочество, покровительствуют незримые силы: не зная сами, вы избрали для своей прогулки в высшей степени удачную минуту!

Сказав это, он еле заметно кивнул головой в сторону большого стеклянного простенка, через который виднелась внутренность большого зала. Великая княгиня посмотрела туда и увидела, что императрица погружена в оживленный разговор с графом Паниным, с которым она по большей части говорила только о политике. Панин любил говорить долго и чересчур подробно, а следовательно, он и теперь должен был не так-то скоро кончить говорить. Судя же по тому, что императрица слушала его с большим вниманием и сама подавала оживленные реплики, можно было свободно предположить, что ее величество в данный момент не обращает никакого внимания на все происходящее вокруг нее.

– Они обсуждают там кое-что новенькое, – продолжал Разумовский. – Ее величество делится с кабинет-министром мыслью отправиться со всем двором в Москву, дабы устроить там пышное национальное празднество по поводу заключения мира с турками.

– И нас всех тоже возьмет? – спросила великая княгиня.

– Мне кажется, в этом не может быть никаких сомнений, – ответил Разумовский, низко кланяясь Наталье Алексеевне. – Присутствие вашего высочества придаст больше блеска празднеству, а заодно и мне будет позволено в качестве верной тени вашего высочества последовать

туда. Да и что случилось бы со мною в противном случае? Ведь я извелся бы с тоски, если бы хотя на один день меня лишили возможности созерцать светлый облик моей милостивой госпожи!

Граф Разумовский прошептал последние слова с такой страстью, какую трудно было ждать от этого выдержанного, суховатого, неизменно спокойного аристократа.

Наталья Алексеевна густо покраснела и в замешательстве не знала, что сказать.

Прошло несколько секунд томительного молчания.

Чтобы сказать что-нибудь, Наталья Алексеевна снова вернулась к теме, которую незадолго пред тем она так неосторожно затронула.

– А что вы, Андрей Кириллович, думаете о Пугачеве, – спросила она, – и возможно ли, что народ искренне верил, что это настоящий царь Петр? Разве смерть Петра Третьего произошла при таких обстоятельствах, что возможны были сомнения?

Андрей Разумовский побледнел, испуганно оглянулся по сторонам и приложил палец к губам в знак того, что здесь слишком опасно говорить о таких вещах. Но великая княгиня окинула его таким смелым, таким презрительным к его малодушию взглядом, что Разумовский вздрогнул. Человек вытеснил в нем царедворца; проводя рукой по лбу, он ответил:

– Нигде во всем мире самозванство не пользовалось таким успехом, как у нас, в России. Но никогда еще самозванцы не пользовались именами умерших царей или князей, а всегда именами погибших. Петр Третий ничего не сделал для народа, ничем не заслужил ни любви, ни памяти. Но у русского народа страшно развито чувство справедливости, и ныне царствующей государыне, несмотря на массу пользы, которую ее величество принесла стране, народные массы не могут простить свержение супруга с престола. Конечно, тут имеются налицо и другие условия, благоприятствовавшие распространению легенды о воскрешении царя Петра. Пугачев сумел привлечь толпы такими обещаниями, над которыми стоит задуматься. Ведь этот полуграмотный казак в своих манифестах объявил восстановление равенства, уничтожение крепостного права с распределением среди трудящихся землепашцев крупных поместий, находящихся в дворянском владении. Словом, этот безграмотный казак сам собой дошел до признания тех истин, которые во Франции явились следствием работы ряда выдающихся умов. У нас любят представлять Пугачева каким-то заурядным разбойничьим атаманом. Однако этот разбойник разбивал целые армии, которыми предводительствовали выдающиеся полководцы!

– Но об этом и говорить нечего: что бы ни говорили, я никогда не перестану верить, что Пугачев – человек крупный, недюжинный. Родись он дворянином, из него вышел бы большой полководец или государственный деятель... А скажите мне теперь, что представлял собою покойный Петр Третий?

– Я любил его, княгиня, несмотря на все его недостатки! Это был очень добрый, но слабый, крайне несчастный человек. Правда, он мало подходил для управления такой большой страной, как моя родина, но кто же имеет право судить об этом? Смеялись над его ребячливым поклонением Фридриху Великому; но ведь Старый Фриц – большой государь, а Пруссия – очень мощное государство. Россия, страшно истощенная легкомысленным правлением императрицы Елизаветы, нуждалась прежде всего в твердом мире, чтобы можно было заняться внутренними реформами, и тесный союз с Пруссией мог дать ей эту возможность. Вообще русская пословица говорит, что «сердце царево в руках Бога». Много, что теперь высмеивается в мероприятиях Петра, могло привести к очень хорошим результатам: покойный бессознательно желал добра. Но его главным недостатком было то, что Екатерине Алексеевне хотелось неограниченной власти. За этот недостаток Петр Третий поплатился жизнью!

– Вам известны подробности о его кончине? Скажите, действительно ли его смерть была делом приказания императрицы?

– Не могу вам с уверенностью ответить на последний вопрос. Мне кажется, что клеветы императрицы просто перестарались, потому что сам Петр не был опасен в тех условиях, в

которых ему определили жить. Скажу одно: когда Петр Третий умер, то весь сенат в полном составе обратился к императрице с просьбой не присутствовать на похоронах...

– Но он был действительно лишен жизни?

– О да! А знаете ли, ваше высочество, ведь все стоящие здесь бюсты увековечивают лиц, принимавших участие в удалении бедного, милого Петра Третьего с престола! Вот там бюст Григория Орлова. Посмотрите на его наглое, дерзкое лицо; он словно хвастается совершенным, словно...

Разумовский вдруг остановился и смертельно побледнел, уставившись взором на одну из колонн. Наталья Алексеевна последовала своим взглядом за ним, и с ее уст сорвался испуганный крик: за колонной стоял притаившись великий князь, от слова до слова подслушавший их разговор. Павел только было собрался выйти из своего тайника, когда разговаривавшие заметили его.

Великий князь был бледен и крайне взволнован. Голова у него тряслась, ноги слегка подгибались, когда он вышел из-за колонны.

Кое-как справившись со своим смущением, Наталья Алексеевна поспешила подойти к супругу с ласковым приветствием, протягивая ему руку. Но Павел сделал вид, будто не замечает протянутой ему руки: его мрачно сверкавшие глаза пытливо уставились на Разумовского, стоявшего в стороне в почтительной позе.

Павел Петрович подошел к нему ближе и ласково кивнул ему головой, а затем, протянув ему руку, сказал, сопровождая свои слова судорожным рукопожатием:

– Спасибо, спасибо!.. Вы любили моего отца... Спасибо!..

Разумовский вспыхнул от удовольствия: в последнее время великий князь относился к нему с худо скрытой враждебностью и вечно старался найти какие-либо упущения по службе. Тем приятнее было Разумовскому встретить такую неожиданную ласку.

Но все это объяснялось очень просто. И без того склонный к мнительности и болезненной подозрительности Павел Петрович, под влиянием ловко вставленных замечаний и намеков Кутайсова, стал присматриваться к отношениям своей супруги и Разумовского, и ему пришлось вскоре убедиться, что их тон чересчур интимен, чересчур дружествен. Мало того, они вечно искали случая и возможности остаться наедине, и эту возможность использовали для горячего разговора.

О чем говорили они? Что заставляло так ярко окрашиваться бледные щеки великой княгини? Что вызывало влажный блеск взгляда обычно спокойного Разумовского?

Великий князь боялся даже сам себе ответить на эти вопросы. Но его сердце болезненно сжималось. И вот, заметив, что великая княгиня и теперь не утерпела, чтобы не свидеться с Разумовским в этой галерее, великий князь пробрался туда другой дверью, осторожно подкрался к ним и из-за колонны слышал, как великая княгиня спросила: «Скажите мне теперь, Андрей Кириллович, что представлял собою покойный Петр Третий?»

Павел Петрович, почти не помнивший отца, свято чтит его память. Нелюбимый Екатериной, вечно теснимый не только матерью, но и ее друзьями сердца, он возвел обожание отца в какой-то культ, и его бесконечно мучило то обстоятельство, что, с кем ни пытался он откровенно поговорить об отце, каждый только мялся и, видимо, не находил сказать о покойном хоть что-нибудь хорошее. И потому его растрогала теперь та теплота, с которой Разумовский говорил о его отце, то негодование, с которым он указывал на бюсты людей, погубивших его!

В этот момент дверь на галерею с шумом распахнулась и к великой княгине подбежала графиня Браницкая, статс-дама императрицы.

– Бога ради, разве это возможно, ваше императорское высочество? – воскликнула она, задыхаясь от быстрых движений. – Государыня императрица уже давно заметила ваше отсутствие и еще во время разговора с Паниным метала молнии по всем сторонам, разыскивая взглядом ваше высочество. Ее величество не переносит, чтобы на парадных приемах кто-нибудь из

лиц свиты уходил, так как это лишает круг ее величества особого блеска. Теперь императрица кончила разговор с Паниным, и я заклинаю ваше высочество, не медля ни минуты, поспешить вместе с вашим супругом в зал!

Наталья Алексеевна сильно перепугалась: отношения с императрицей и без того все ухудшались. Она взглядом поблагодарила Браницкую и с робким ожиданием повернулась к великому князю.

Графиня Браницкая полюбила великую княгиню с того самого дня, когда та упала на торжественном приеме у подножия трона. Свою любовь Браницкая проявляла очень реально и всеми силами старалась сгладить все шероховатости отношений императрицы и великой княгини и по возможности облегчить жизнь последней. Браницкой до известной степени удавалось это, и не только потому, что Екатерина любила ее, а также в силу особой, свойственной только Браницкой, грациозной дерзости: графиня решалась иногда на такие выходки пред императрицей, которые не сошли бы с рук никому другому. Но она проделывала все с такой обольстительной, с такой чарующей улыбкой, с такими мягкими, кошачьими ужимками, что на нее не сердились.

Так и теперь она проявляла довольно смелую энергию, которую едва ли мог позволить себе кто-нибудь другой, кроме нее. Заметив, что великий князь, погруженный в мрачную задумчивость, продолжает не замечать своей супруги, она подошла к нему, схватила за руку, вложила в его руку руку великой княгини и сказала:

– Вот так! А теперь торопитесь, ваши высочества!

Великий князь улыбнулся Браницкой и повел супругу в зал. При входе Наталья Алексеевна прямо встретилась с гневным взглядом императрицы. Сколько мрачной угрозы было в этом взоре!

Церемониал занимания мест за обеденным столом, совершавшийся по строгому, заранее обдуманному и утвержденному императрицей плану, облегчил томительное, неприятное положение обеих женщин. Вскоре в шумных восторгах и льстивых заискиваниях придворных, в ребячливых выходках Потемкина императрица на время забыла обо всем, до своей ненависти к великой княгине включительно...

ХІІІ

Прошло много времени, а императрица все еще не приступила к выполнению задуманного ею плана грандиозного национального праздника. На совещаниях у императрицы, посвященных обсуждению этого плана, почти все министры придумывали каждый раз все новые и новые затруднения, так как их пугала колоссальная стоимость устройства празднества, особенно теперь, когда турецкая война, пугачевщина и чумное бедствие сильно опустошили казну. Но Потемкин, которому был прямой расчет поддержать императрицу в ее капризе, всецело присоединился к ее плану, и мнение этого случайно всплывшего на придворную поверхность политического пузыря взяло верх над основательными возражениями разумных, посевших в управлении страну министров.

Екатерина поручила Потемкину главное руководство устройством празднества, и Потемкин с кипучей энергией отдался этому делу: ленивый и беспечный, он понимал, что блестящее выполнение императорского каприза сделает для его карьеры больше, чем десять мудрых государственно-полезных проектов, а потому отбросил свою хохлацкую лень.

Но его энергии пришлось выдержать тяжелое испытание. Императрица, чувствовавшая нестерпимый зуд творчества, хотела сначала написать пьесу, в которой предполагалось выразить все великие планы, все надежды на окончательный разгром турок и восстановление Византии. Она посвящала этому труду все свободное время, и Потемкин должен был прослушивать отдельные сцены и подавать суждение по поводу разных, предлагаемых царственной поэтессой вариантов.

А там явилась и новая задержка.

В Москве был казнен Емельян Пугачев, собственно даже и не казнен, а растерзан, разорван на части. Правительство хотело устрашить таким наказанием народные массы, вселить в них ужас пред мыслью о бунте, но результат чрезмерной ретивости палачей оказался совсем неожиданным: народ увидел в Пугачеве мученика за народное благо и даже за веру.

Пугачев был раскольников, а раскол издавна свил себе в Москве прочное гнездо. И вот раскольники принялись мутить народные массы, восстанавливать их против «еретички» и «слуги антихристовой». Императрице дали знать, что теперь ее приезд в Москву небезопасен. Приходилось откладывать и ждать.

Наконец наступило некоторое успокоение умов, и день выезда был назначен. В ясное, морозное утро пышный поезд отправился по московскому шоссе. В одной из карет ехала императрица с Потемкиным, две кареты были отведены под образа, которые предполагалось раздавать по всем встреченным на пути церквям. Самый большой образ предназначался для Москвы.

Исполнение давнишнего желания, чудное солнечное утро, присутствие Потемкина – все радовало императрицу, и она уже давно не была в таком хорошем расположении духа. Тем более ее сердило, что Потемкин был мрачен и задумчив.

– Послушай, Григорий! – не выдержала она наконец. – Что ты мне назло, что ли, портишь кислой рожей все удовольствие?

Потемкин вздрогнул, словно проснувшись от глубокого сна. Заметив, что императрица серьезно готова рассердиться, он состроил самое умильное выражение на лице и вкрадчиво сказал, взяв ее за руку:

– Не сердись, Катюша, только не сердись! Ты спроси сначала, почему я задумчив!

Императрица не могла сердиться, и самое мрачное настроение сменялось у нее веселой улыбкой, когда Потемкин вкрадчивым тоном провинившегося ребенка называл ее Катюшей или Катенькой. Так и теперь она сразу расцвела и, погладив его по щеке, сказала:

– Ох, уж ты мне, баловень! Ну, выкладывай душу!

– Дорогая царица моя! Ты не думай, что если Потемкин вечно смеется да радуется, так он уж и Бога, и совесть забыл! И вот задумался я: да ладно ли, что мы едем спереди, а иконы сзади нас тащатся? Хоть ты и великая государыня, а Бог-то равно и над великими, и над малыми! Вот и запало мне в душу сомнение: как бы не прогневался Он и не навлек на наши головы беды!

Императрица с ласковой иронией посмотрела на фаворита и ответила:

– И суверен же ты, Григорий! Даже не понимаю, как может быть человек столь и мал, и велик, как ты! Нет, Григорий, мы отдадим должное церквам и святым, но не забудем и того, что в России царь держит в своей руке и государство, и церковь. Мой старый друг Вольтер еще недавно написал мне: «По отношению к церкви государство не может быть безразличным. Если государство не возьмет церкви в свои руки, то церковь сейчас же приберет к рукам и государство, и государя». Он прав, Григорий! И великий Петр своим гениальным умом понял, какой опасностью грозит самодержавию независимость церкви. Когда я иду молиться, как женщина, я смиреннее смиренной – я иду к Богу не как государыня, а как самая простая грешница. Но в официальных случаях я – прежде всего царица! Не беспокойся, Григорий!

– Да, но кареты с иконами едут как раз пред каретой великокняжеской четы! А разве не оскорбительна для русских святынь близость к чете, в которой муж, как воспитанник атеиста Панина, не имеет никакого благоговения к предметам православного почитания, а жена как была, так и осталась лютеранкой, потому что внешний переход в православие не коснулся этого наклонного к мятежной философии ума?

Императрица нахмурилась и с мягким упреком ответила:

– Зачем ты говоришь мне все это сегодня? Я сама много думаю об опасном направлении ума великой княгини, это мое самое больное место, и я рассчитывала в самом скором времени серьезно посоветоваться с тобой на этот счет. Но не сегодня – сегодня все так светло, так ясно, так радостно...

– Говорят, будто великая княгиня с большой неохотой подчинилась приказанию вашего величества принять участие в этой поездке?

– Ну, разумеется! Как же могло быть иначе? Надо же ей хоть в чем-нибудь проявить свое упрямство! Правда, на этот раз она постаралась замаскировать свою строптивость веским доводом: опираясь на мнение врача, великая княгиня сочла небезопасным для своего состояния отправиться в эту поездку! Но мне до всего этого нет никакого дела. Так нужно, и так будет! Я желаю, чтобы на этом национальном торжестве в Москве присутствовала вся императорская фамилия. Это входило в программу, и не из-за беременности же нарушить всю программу!

– Ну что же, – воскликнул Потемкин, так и покотившись со смеха, – если великая княгиня захочет быть послушной воле вашего величества, так она поспешит разрешиться в Москве от бремени, чтобы на празднестве присутствовала уже вся семья, без исключения! Воображаю, какой истинно русский наследник будет тогда у русского трона! Ведь это не шутка – родиться в Москве: сорок сороков церквей, кислые щи и прочие отличия истинно русского духа сразу впитаются в душу царственного младенца!

Императрица строго посмотрела на Потемкина и, недовольно покачав головой, промолвила:

– Ты рано говоришь о престолонаследии, Григорий! Я отнюдь не думаю поступиться своим правом самой выбрать себе наследника. Конечно, я хотела бы передать корону родной мне крови, но интересы страны я ставлю выше родственных чувств. Во всяком случае, я еще далеко не уверена, что как мой сын Павел, так и дети от его брака с несимпатичной мне особой достойны взять на себя тяжелую ответственность по управлению такой страной, как Россия. Это ведь не Гессен-Дармштадт! Нет, Григорий, я еще поговорю с тобой и об этом вопросе тоже – у меня другие планы, и едва ли у великого князя много шансов на русскую корону!

Она задумалась, задумался и Потемкин, который даже слегка побледнел от волнения.

Слова императрицы придали жизнь его скрытым, затаенным мечтам. Притворяясь наивным и непосредственным, ласкаясь к царственному другу, словно милый, шаловливый ребенок, Потемкин ни на минуту не забывал того, что поставил целью своей жизни, чего добивался еще его предшественник Орлов. Этой целью, этой затаенной мечтой была женитьба на Екатерине.

Что же, разве таких примеров не бывало? Ведь вышла же замуж императрица Елизавета за Разумовского, человека совсем низкого происхождения! Правда, тот брак был тайным и никаких новых выгод Разумовскому не принес. Но то был иной век, то были иные обстоятельства!

Еще четверть века тому назад самодержавная воля монарха не имела такого реального облика, как теперь. Елизавете приходилось во многом поступаться из боязни дворянского мятежа. Да и не умела покойница как следует входить в государственную заботу – ее пугала серьезность работы, да и не было достаточных знаний, чтобы лично руководить ходом государственной машины.

Не то императрица Екатерина II! Государыня сама во все входит, в ее руках сосредоточиваются все нити управления, ничто не обходится без ее собственного суждения и желания. И она сумеет твердой рукой согнуть головы всем тем, кто дерзнет восстать против ее желания; ее не запугаешь призраками осложнений! И если она захочет официально выйти замуж за кого-либо, то пред счастливымчиком все преклонятся!

Но захочет ли она?

Потемкин впился в лицо императрицы пытливым взглядом, как бы желая прочесть там ответ на мучивший его вопрос. Она заметила этот взгляд, улыбнулась ему, обхватила рукой и прижала его голову к своему сердцу.

Словно в экстазе любви, Потемкин тихо вскрикнул и упал на пол кареты к ногам своей царственной подруги.

XIV

Среди многих таких разговоров промелькнули дни утомительного путешествия, и наконец вдали показались золотые купола, колокольни и кресты Белокаменной. Подъезжая к заставе, императрица вдруг потеряла все то оживление, которое поддерживалось у нее в пути. Она стала серьезной, тревожной, словно к чему-то готовясь, словно чего-то ожидая.

В таком состоянии подъехала она к Триумфальным воротам, выстроенным для ее въезда ценою довольно больших затрат. Около ворот столпились громадные народные массы; представители городской власти, духовенство, дворянство, купечество выстроились около блестящими корпорациями. Императрица приготовилась выслушивать ряд кудрявых приветствий и отвечать на восторженные приветствия народа. В тот момент, когда карета поравнялась с триумфальными воротами, Екатерина высунулась из окна и милостиво кивнула встречавшим. Но ответом ей было немое, мрачное молчание, словно весь народ вдруг лишился языка, словно официальные лица забыли текст приветствий. Даже колокола не звонили... Карета императрицы уже въезжала в ворота, а Москва все еще ничем не выразила своего восторга по поводу приезда монархини.

Вдруг, словно сорвавшись с цепи, затрещали колокола. Но их то усиливавшийся, то затихавший звон еще более подчеркивал непонятную молчаливость толпы. Императрица обернулась к Потемкину и с удивлением посмотрела на него, как бы желая спросить, что сей сон значит?

Потемкин, в первый момент закаменевший в немом изумлении, теперь вспыхнул бешеным гневом. Жилы на его лбу натянулись, глаза налились кровью, и он разразился градом таких бешеных проклятий, что Екатерина еле была в состоянии сдержать своего фаворита настолько, чтобы он не обратился с этими ругательствами прямо к толпе.

Наконец гнев Потемкина излился пламенной речью.

– Так вот как? – неистовствовал он. – Для того им понизили налоги, чтобы они с враждебными лицами смотрели, как высокая государыня снисходит до приветствий их? Нет, на благодарность этого мятежного сброда рассчитывать нечего. Если облегчаешь им тяготы, так они начинают воображать, будто их боятся, заигрывают с ними. Чернь сейчас же превращается в тирана, если видит заботы о себе. Кнутами всю эту сволочь!.. Но стой, что это за шум?

Императрица прислушалась, затем, улыбаясь, сказала:

– Ну, конечно, я так и думала! Просто народ был ослеплен блеском нашего появления и от избытка восторга его уста онемели. Только теперь они опомнились и провожают нас криками восторга! Нет, Григорий, русский народ добр, благодарен и предан!

Потемкин высунулся из окна и оглянулся.

– Прости, царица, – сказал он, – но ты ошибаешься! Не к нашей карете относятся все эти восторженные клики, а к каретам, следующим за нами. Без сомнения, народ заметил во второй карете образ Богоматери, и к Ней-то относятся все эти восторги. Говорил я, что нам нужно пустить карету с иконой впереди! Тогда авось и царице перепали бы крохи того восторга, которым народ приветствует священную икону!

Императрица высунулась из окна, оглянулась, присмотрелась. Вдруг она резко отдернула голову, и ее лицо отразило гнев и высшее раздражение.

– Ты ошибаешься, Григорий, – холодно бросила она ему сквозь зубы. – Восторженные приветствия относились не к нам, но и не к иконе. Разве ты не видишь, как народ протискивается к карете великого князя?⁵ Разве ты не слышишь имен великого князя и великой княгини в этом отвратительном реве? Народ молчанием встретил свою государыню и спешит привет-

⁵ См. об этом у Кастера, т. II, с. 145.

ствовать этих... интриганов... Но ты прав в другом: народ зол, подл и неблагодарен. Хорошо же, я это попомню!

– Вы правы, ваше величество, – сказал Потемкин, снова прислушиваясь. – Народ провозглашает здравницу великому князю и «матушке Наталье Алексеевне». Гм... Это многозначительно! Я достаточно долго прожил в Москве и немножко знаю местных горожан. Все это – предатели и мятежники; московское дворянство мутит их против трона, а попы благословляют на злобуйство!

– Вот именно поэтому-то я и приехала в Москву, – промолвила императрица, справившись с вспышкой гнева и вновь отдаваясь холодному самообладанию. – Мы задумали для блага страны великие реформы, но недаром меня уверяли, что петербургское население еще не Россия, что истинное отражение русского духа и настроения можно встретить только в Москве. Поэтому на свое пребывание в Москве мы смотрим, как на средство проверить, созрела ли страна и заслуживает ли народ тех реформ, которые задуманы нами для его блага. Мы возлагаем в этом отношении большую надежду на вас, Григорий Александрович. Смотрите, наблюдайте, исследуйте почву, и потом мы с вами посоветуемся относительно дальнейшей внутренней политики. Равно желаем мы, чтобы вы по зрелом размышлении доложили нам, как, по вашему мнению, надлежит нам относиться в будущем к их высочествам и какие меры надлежит нам принять для ограждения спокойствия государства.

В великокняжеской карете въезд в Москву тоже вызвал немалое волнение. Вместе с их высочествами ехал также Андрей Разумовский, сидевший на скамеечке против них.

Это место Разумовский занял по ходатайству и просьбе великого князя. Со времени описанной в главе XII сцены, когда Павел подслушал разговор Разумовского с великой княгиней, он, казалось, вернул Андрею Кирилловичу всю прежнюю дружбу и доверие. Правда, не совсем: все-таки на дне души великого князя оставалось какое-то невольное сомнение, таились непреодолимые подозрения. Но он старался заглушить их, старался показать Разумовскому, что любит и ценит его по-прежнему. Однако время от времени у него прорывались кое-какие нотки, в которых сквозил ревнивый гнев, и это действовало удручающе на настроение всех троих.

Благодаря этому их путешествие было не из веселых. Редко-редко обменивались они отдельными словами, а по большей части дорога проходила в угрюмом, неприятном раздумье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.